

Краснодарский университет МВД России

А. А. Тимченко

**МОЛОДЕЖЬ В ПРОЦЕССЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
И СМЕНЫ ПОКОЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СОЦИАЛЬНО-ДЕЗОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ**

Краснодар
2020

УДК 316
ББК 60.5
Т41

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Рецензенты:

А. В. Жуланов, кандидат педагогических наук (Волгоградская академия МВД России);

Е. В. Сальников, доктор философских наук, доцент (Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова).

Тимченко А. А.

Т41 Молодежь в процессе преемственности и смены поколений современной России: социально-дезорганизационный аспект / А. А. Тимченко. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2020. – 138 с.

ISBN 978-5-9266-1676-4

Молодежь рассматривается как наиболее активная социальная группа, участвующая в дезорганизационных процессах и одновременно претерпевающая их влияние. Систематизируются теоретические подходы к исследованию молодежи как особой социально-демографической группы, осуществляется анализ социокультурных и социально-психологических особенностей российской молодежи в контексте влияния глобальной информационной среды.

Для профессорско-преподавательского состава, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-5-9266-1676-4

© Краснодарский университет
МВД России, 2020
© Тимченко А. А., 2020

Введение

В настоящее время российское общество находится в процессе трансформации, что неизбежно затрагивает все основные сферы его жизнедеятельности. Для любого общества, претерпевающего трансформационные процессы, определяющее значение имеет то, каким образом социальные изменения затрагивают молодежь. Важность адаптации молодежи к трансформационным процессам обусловлена тем, что именно через эту группу общество осуществляет собственное воспроизводство. От того, каким образом составляющие молодежь социальные группы отвечают на различные социальные, политические, экономические и иные вызовы, зависит то, как общество будет жить в будущем и, следовательно, как оно преодолет состояние трансформации.

Таким образом, исследование, посвященное прохождению различными социальными группами, входящими в понятие «молодежь», процессов социальной трансформации, представляет собой своеобразный прогноз дальнейшего развития российского социума в условиях формирования информационного общества.

Для анализа процесса социальной трансформации первостепенное значение имеет исследование феномена социальной преемственности. И действительно, от того, как старшее поколение

передает полученный им социальный опыт, а молодежь – его усваивает, зависит успешность прохождения обществом процесса воспроизводства. Если молодежь отказывается от усвоения опыта старшего поколения, общество переходит в состояние приспособления к новым социальным условиям, требующим принципиально новых социальных решений. Для последней ситуации характерен ценностный разрыв между старшими поколениями и молодежью, что неизбежно приводит к различным формам социальной напряженности.

В настоящее время нарушение процесса преемственности поколений проявляется во всех важнейших областях, связанных с передачей социального опыта, прежде всего, в институтах семьи и образования. Разрыв преемственности в семье и образовании осуществляется на нескольких уровнях: духовно-нравственном, ценностном, информационно-технологическом.

Для первого, духовно-нравственного, уровня характерен разрыв преемственности поколений, связанный с тем, что молодежь не признает авторитета старших поколений. Основанием для такого пресечения передачи социального опыта служит рассогласование ценностей между поколениями, характерное для всех эпох, но обостряющееся в периоды социальной трансформации. В настоящее время ценностный конфликт между поколениями разворачивается по поводу отношения к массовой культуре.

Молодое поколение рассматривает этику потребления, лежащую в основе современной массовой культуры, как нечто само собой разумеющееся. Другими словами, молодежь в своей массе нацелена не на воспроизводство нравственных и культурных благ, а на их употребление. В результате молодое поколение оказывается не приспособленным к решению важнейших социальных, экономических, политических и других вопросов, связанных с поддержанием нормального функционирования важнейших областей жизнедеятельности общества. В свою очередь старшее поколение оказывается не готовым к усвоению новейших информационно-коммуникационных технологий.

В итоге возникает ситуация, когда старшее поколение, обладая социальным опытом, не может облечь его в необходимую инновационную форму, тогда как молодое поколение, легко усваивая информационно-коммуникационные технологии, индиффе-

рентно к подлинно культурным ценностям. По этой причине разрыв преемственности поколений – это прежде всего социально-коммуникативный кризис, связанный с переходом общества в целом от индустриальной к постиндустриальной стадии развития.

Одним из наиболее опасных проявлений кризиса преемственности поколений в современном российском обществе служит рост радикализации молодежи, частным случаем которого является вовлечение различных категорий молодых людей в экстремистскую деятельность. Среди многочисленных проявлений молодежного экстремизма наибольшую опасность для современного российского общества представляют праворадикальный, леворадикальный, религиозно-политический (в форме исламизма) экстремизм и незаконное протестное движение. Адекватное противодействие угрозе молодежного экстремизма не может носить однозначно силовой характер и предполагает сочетание социальных, правовых, идеологических и информационно-просветительских мер. Наличие угрозы современному обществу со стороны различных экстремистски настроенных политических сил, опирающихся в числе прочего и на широкие слои молодежи, позволяет утверждать, что кризис преемственности поколений носит ярко выраженный социально-трансформационный, а не скрытый, транзитивный характер.

Глобальность современного кризиса преемственности поколений требует от социологической науки разработки особых теоретико-методологических конструкций, нацеленных на его всестороннее изучение. По этой причине в настоящее время социологические исследования молодежи в качестве отдельной, самостоятельной социологической структуры привели к появлению особого раздела социологической теории – социологии молодежи.

Теоретико-методологическую базу современной социологии молодежи составляют исследования таких крупнейших зарубежных представителей современной социологии, как Р. Бенедикт, Ш. Бюлер, Э. Кэмпбелл, К. Мангейм, Р. Мертон, М. Мид, Т. Парсонс, В. Райх, Л. Розенмайер, Э. Фромм, С. Холл, Ш. Эйзенштадт, Э. Шпрангер.

Несмотря на то, что вышеуказанные классики социологической мысли принадлежат к различным направлениям и школам социологии, каждый из них предлагает свое видение кризиса пре-

емственности поколений. Данное обстоятельство, с одной стороны, затрудняет получение однозначного ответа на важнейшие вопросы развития трансформационных процессов и определения места в них молодежи, а с другой – позволяет раскрыть их новые грани.

Неоднозначен и взгляд отечественных социологов молодежи на характер и направление трансформационных процессов, а также на роли в них различных социальных групп молодых людей. Среди наиболее значимых исследований в данной области выделяются работы А.В. Запесоцкого, Ю.А. Зубок, С.Н. Иконниковой, И.М. Ильинского, А.И. Ковалевой, И.С. Кона, С.И. Левиковой, В.Т. Лисовского, Е.Л. Омельченко, Б.А. Ручкина, З.В. Сикевич, В.И. Чупрова, В.Н. Шубкина.

Наличие большого числа теоретико-методологических установок на исследование кризиса преемственности поколений в современном российском обществе привело к необходимости четкого определения теоретико-методологических позиций исследования современного состояния молодежи.

Теоретико-методологической базой монографии послужил проблемно-аксиологический анализ исследования поколения. Главной специфической чертой данного метода служит установка на раскрытие механизма выбора ценностных ориентиров, осуществляемого тем или иным поколением.

Таким образом, преемственность поколений с точки зрения проблемно-аксиологического подхода представляет собой поиск различных проявлений, подтверждений или коррекции в системе ценностных ориентиров, имеющих место в общественном сознании представителей молодого поколения.

1. Молодежный экстремизм в трансформирующемся российском обществе как системная социальная проблема

1.1. Особенности социологического подхода к анализу молодежного экстремизма

Проблематика экстремизма – одна из наиболее сложных и противоречивых в социологической науке. Основное затруднение состоит в том, что, во-первых, экстремизм не имеет какого-либо общепринятого определения, с которым бы солидаризировалось большинство ученых из разных стран, во-вторых, взгляды на экстремизм серьезно дифференцируются в зависимости от научного направления, в рамках которого осуществляются соответствующие изыскания, – социологии, философии, правоведения, политологии, истории и т. д. Кроме того, проблематика экстремизма оказалась прочно интегрирована в дискурс политической борьбы, различного рода противостояний акторов, стремящихся к власти, вследствие чего сформировалось предельно широкое понимание экстремизма – не только как деяния (например, в концепции правоведения, где, как известно, юридическая ответственность не возникает за мысли, какими бы зловещими они не были, «экстремизм – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность»¹), но и как убеждений, взглядов, идей и т. п. («экстремизм – это идеология допустимости использования крайних мер, экстремумов социального поведения для получения желаемого эффекта»²).

В условиях трансформирующегося общества на фоне его перехода к постиндустриальному этапу развития, генезису «открытых структур» в социально-политической сфере такая ситуация имеет и практические, социально-управленческие последствия.

¹ Дворецкий М.Ю. Ответственность за преступления террористической направленности: вопросы теории и правоприменительной практики // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 12. С. 305–310.

² URL: <http://my.sfu-kras.ru/node/711> (дата обращения: 12.08.2019).

Для социологической науки, как известно, важны как объективная диагностика сложившейся ситуации, так и научно обоснованное прогнозирование социальной динамики. Достижение подобных целей предполагает обращение к междисциплинарной методологии познания экстремизма, где наряду с социологическими теориями присутствуют и другие – философские, психологические, правоведческие и т. п. В таких условиях весьма важна адаптация теоретических построений других наук сообразно системе социологического знания, с которой они должны априори взаимодействовать.

В свою очередь, облик современной системы социологического знания сложился еще в середине XX в., когда Р. Мертон предложил активно использовать теории среднего уровня, которые должны были стать связующим звеном между фундаментальной и практической социологией¹. В рамках этой актуальной модели на протяжении второй половины XX в. происходило рассмотрение социальных отклонений как определенной дисфункции социальной системы. Генезис исторического облика системы социологического знания целесообразно учитывать при оценке эвристического потенциала тех или иных теорий, концепций.

И, наконец, целесообразно при анализе различных концепций ведущих представителей социологической науки принимать во внимание тот факт, что в XIX – начале XX в. доминировала классическая методология социологического познания, согласно которой социум представляет собой сложную наиндивидуальную реальность, развивающуюся по объективным законам. При этом роль отдельной личности, субъективного фактора оценивалась весьма низко. Однако в связи с открытиями М. Вебера, его теорией «идеальных типов»² и возникновением понимающей социологии начинается эпоха модерна, когда в центре внимания социологов оказываются субъективные факторы социума, конкретный человек во множестве его связей и отношений, его духовная культура, система ценностей, мировоззрение и т. д. Данные закономерности развития социологической науки в конце XIX – середине XX в. важно учитывать при оценке теоретических построений.

¹ Девятко И.Ф. Р. Мертон и его теория среднего уровня // История теоретической социологии: в 4 т. / под ред. Ю.Н. Давыдова. М., 1997. Т. 3. С. 250–270.

² Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. М., 1994.

Следует отметить, что целостной теории экстремизма, в том числе молодежного, в классической социологии не существует. Подобные социальные феномены обозначались социологами как разновидность социальных отклонений, отличающихся от конформной стратегии, располагающихся в системе координат девиантного и делинквентного поведения.

Одним из первых социологов, уделивших внимание социальным отклонениям, был Э. Дюркгейм¹. В ряде своих трудов ученый обосновал концепцию девиантного, или отклоняющегося от социальных норм, поведения. При этом широкий спектр нормативного регулирования в обществе (право, традиции, обычаи, корпорации, религия, мораль) существенно усложняет понимание девиации, в том числе и научную оценку последствий девиаций. Ключевую роль в объяснении причин девиантного поведения Э. Дюркгейм отводил явлению аномии (буквально – «безнормия»), которое с научной точки зрения можно определить как «духовную, ценностно-нормативную пустоту» в системе культуры. Под влиянием эффекта аномии люди становятся несчастными и в своем желании изменить жизнь могут разрушить общество².

В центре внимания одного из наиболее ярких представителей структурного функционализма Р. Мертон³ находятся возможности сохранения стабильности и равновесного состояния социальной системы. Для Р. Мертона функционализм имеет весьма широкое значение, выступает как научно-практическая методология познания общества. По мнению исследователя, социальная система представляет собой органичное, единое целое, подчиненное определенным закономерностям существования и развития. Функциональный репертуар социальных институтов в своей совокупности формирует и функциональный репертуар социума в целом; при этом возникающие отклонения и дисфункции в функционировании ключевых систем угрожают ей распадом. Именно поэтому Р. Мертон подвергает детальному анализу как сам феномен девиации, так и его основные проявления. Из четырех разновидностей

¹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А.Б. Гофмана. М., 1995.

² Там же.

³ Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е.Н. Егоровой и др.; науч. ред. З.В. Коганова. М., 2006.

девиантного поведения (инновация, ритуализм, ретризм, мятеж) наибольшим дисфункциональным потенциалом для общества обладают именно ретризм и мятеж. Так, ретризм представляет собой классическое бегство от действительности, в том числе посредством возникновения химической зависимости у девиантов (алкоголь, наркотики и пр.). Однако наиболее опасной для социальной системы является такой вид девиации, как мятеж, предполагающий отказ от существующих целей и средств с одновременной заменой их новыми. Этот тип наиболее близок к различным революционерам, экстремистам, радикалам¹.

В концепции одного из ярких представителей классического этапа развития науки XIX в. К. Маркса проблематика социальных отклонений неразрывно связывается с антагонистическим конфликтом между классами, владеющими средствами производства, и теми слоями общества, которые лишены такого богатства. По мнению К. Маркса, государство и его система права фактически обслуживают интересы господствующего класса, защищая его от угнетенных слоев населения. В таких сложных социальных условиях любые девиантные и делинкветные поведенческие стратегии представляют собой не более чем разновидность политической борьбы. Ввиду этого подобные действия считают экстремизмом именно представители господствующего класса – экспроприаторы власти и собственности².

Весьма оригинальную концепцию социального действия, объясняющую природу социальных отклонений, выдвинул немецкий социолог М. Вебер. Все многообразие социальных действий он дифференцировал на четыре «идеальных типа»: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное социальные действия. С точки зрения Вебера, в реальной жизни зачастую имеет место симбиоз поведенческих стратегий. Из указанного спектра типичных социальных действий существенными рисками социальных отклонений, в том числе рисками возникновения экстремизма, обладают ценностно-рациональное и аффективное действия. Ценностно-рациональное действие опирается на убежденность актора в безусловной самодовлеющей ценности

¹ Мертон Р.К. Указ. соч.

² Маркс К. Капитал. М., 2013.

определенного поведения, независимо от того, к каким результатам (эффектам) оно приведет. В свою очередь аффективное социальное действие детерминировано аффектами или особым психоэмоциональным состоянием человека¹.

В ряде концепций ведущих российских социологов в качестве основной причины развития социальных отклонений (как в форме девиаций, так и в форме делинквентного поведения) рассматривалась система культуры. Именно сложные, многоуровневые, во многом противоречивые процессы, происходящие в системе культуры общества, провоцируют ситуацию, когда деструктивные факторы начинают превалировать над конструктивными, а преступное и аморальное поведение становится тенденцией времени, вытесняя правомерное и моральное на второй план.

Культурные детерминанты социальных отклонений оказались в центре внимания российского и американского социолога П.А. Сорокина. По мнению ученого, реальность представляет собой иерархию интегрированных культурных и социальных систем – суперсистем. Каждый тип культуры имеет свою собственную ментальность. Так, умозрительная культура представляет реальность как духовную, нематериальную, скрытую за чувствами. Чувственная культура представляет реальность материальной, доступной чувствам, постоянно изменяющейся. Идеалистическая культура представляет сочетание умозрительных и чувственных элементов. Любая суперсистема содержит в себе риски отклонений, в том числе весьма опасных для социума. При этом чувственная суперсистема, ориентированная на высокодинамичную социальную реальность с акцентом на материальные ценности, характеризуется наибольшими рисками, так как материальные ресурсы, как известно, ограничены и практически невозможно в полной мере удовлетворить материальные потребности людей, что, в свою очередь, вызывает риски девиантного и делинквентного поведения². Как полагал П.А. Сорокин, в условиях кризиса современной культурной суперсистемы происходит дисфункция социосознательных факторов, отвечающих за продуцирование в сознании людей ценностей, норм, морали, мировоззрения и, напротив, имеет место

¹ Вебер М. Указ. соч.

² Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2006.

выход на первый план биосознательных и бессознательных начал (инстинктов, первичных биологических потребностей и т. п.)¹. Согласно мнению П.А. Сорокина, в основе социальных отклонений лежит дисфункция культуры как важнейшего социального института.

В свою очередь, Г. Зиммель полагал, что интеллектуализация общества и развитие денежного хозяйства представляют собой свидетельство усиливающегося разрыва между формами и содержаниями современного общества, свидетельство возрастающего опустошения культурных форм, сопровождающегося индивидуализацией и увеличением человеческой свободы. При этом обратной стороной интеллектуализации становится понижение общего уровня душевной жизни². Подобные процессы предполагают серьезные отклонения в сфере морали, которая, как известно, выступает одним из ключевых регуляторов человеческого поведения. Ослабление морального регулирования на фоне социальных трансформаций с высокой долей вероятности может привести к обострению проблемы девиаций в самых разнообразных формах.

В классической социологической науке представлен ряд серьезных концепций, связывающих социальные отклонения не с объективными условиями существования и развития социума (как, например, структурный функционализм или марксизм), а с субъективным, личностным, человеческим фактором социальных акторов. В частности, итальянский социолог В. Парето дифференцировал все действия людей на две группы: логические и нелогические. Основанием различения послужило соотношение в них средств и целей как в субъективном, так и в объективном аспектах. Как полагал В. Парето, в повседневной жизни доминируют именно нелогические действия – такова природа человека, его социально-биологическая сущность. При этом люди склонны представлять свои нелогические действия в качестве логических. С точки зрения итальянского социолога, в жизни людей чувства играют чрезвычайно важную роль. Будучи глубинным фактором поведения, чувства сами по себе неуловимы, это своего рода вещи в себе. Логико-экспериментальная социология может их постиг-

¹ Сорокин П.А. Указ. соч.

² Зиммель Г. Философия культуры. М., 1996.

нуть только через определенные внешние проявления. Средством постижения этих чувств служит разработанная В. Парето теория «осадков» и «производных». Будучи нелогическими, «осадки» представляют собой проявления базовых человеческих чувств и инстинктов¹. Таким образом, именно чувственная, эмоциональная, во многом иррациональная сущность человека как социально-биологического феномена выступает детерминантой социальных отклонений. При этом в распоряжении общества имеется весьма ограниченный набор инструментов, чтобы решить данную проблему. Социологический анализ, осуществленный на высоко профессиональном уровне, выступает одним из таких инструментов.

Сходная смысловая направленность наблюдается и в теоретических построениях психоанализа. Один из представителей данного социологического течения Э. Фромм видел корни проблемы социальных отклонений в ситуации, в которой оказывается человек капиталистической культуры. В этих сложных социокультурных условиях стремление к индивидуальности ведет к одиночеству, у человека возникает ощущение собственной ничтожности и бессилия. Общей тенденцией становится моральная несостоятельность на фоне стремления к достижению высокого уровня материального благополучия, что в эпоху капитализма практически исключено (проблема ограниченности ресурсов при безграничных потребностях людей). Э. Фромм во многих социальных и культурных явлениях постиндустриального общества обнаруживает симптомы морального поражения человека в его жизнедеятельности, в том числе в борьбе за свободу. В связи с этим классический невроз можно понять как неудачную попытку разрешения конфликта между непреодолимой внутренней зависимостью и стремлением к свободе – конфликта, который имеет моральную подоплеку². Ввиду этого понимание Э. Фроммом факторов генезиса социальных отклонений в обществе несколько отличается от постулатов основателей психоанализа, в частности З. Фрейда, который видел корни деструктивности в сублимации психосексуальной энергии, осуществляемой системой культуры в ходе процессов социализации

¹ Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. А.А. Зотова. 2-е изд. М., 2008.

² Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э.М. Телятников. М., 2007.

и воспитания. У Э. Фромма в большей мере прослеживается социологичность, нежели психологичность взглядов на этот вопрос.

Обзор общетеоретических положений ведущих социологических теорий, в центре внимания которых оказывается проблематика социальных отклонений, в том числе экстремизма, показал, что часть из них акцентирует внимание на объективных факторах – макрофакторах внешней среды, а часть, напротив, в качестве ведущих рассматривает микроуровень и субъективные факторы, непосредственно связанные с личностным обликом носителей проблемы. При этом какого-либо консенсуса между «объективными» и «субъективными» концептуальными положениями социологов не наблюдается. Возникшее противоречие снижает эффективность социально-управленческих решений в сфере противодействия социальным отклонениям, в том числе экстремизму, и их профилактики.

В связи с этим стоит обратить внимание на теорию российских социологов Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова, которые попытались органично соединить основные положения «объективных» и «субъективных» концепций. Следует отметить, что в советской социологии проблематика экстремизма не нашла должного развития. В эту историческую эпоху социологи работали над смежными проблемами девиантного и делинкветного поведения без соответствующей конкретизации по видам и типам социальных отклонений. Еще менее востребованной советской социологией была тематика молодежного экстремизма.

Ю.А. Зубок и В.И. Чупров выделили главные причины, которые детерминируют молодежный экстремизм. По их мнению, эти причины находятся в неразрывной взаимосвязи с социально-возрастными и социально-статусными характеристиками молодежи. Ученые полагали, что объективными детерминантами молодежного экстремизма выступают неполнота социального статуса, маргинальность социальных позиций и неопределенность социальных идентификаций молодежи. При этом ситуация с молодежным экстремизмом еще больше ухудшается вследствие ускорен-

ной модернизации и генезиса состояния риска и неопределенности для подрастающего поколения¹.

Существуют различные определения понятия молодежного экстремизма, при этом мнения социологов зачастую существенно отличаются. Причиной, на наш взгляд, выступает системная проблема, заложенная социологической наукой при концептуализации более широкого понятия – «экстремизм». Именно противоречивость в его репрезентации, попытки определения через перечисление признаков и некоторая политическая ангажированность при оценке экстремизма привели к генезису описанной ситуации, осложняющей научное познание.

По мнению В.А. Смирнова, молодежный экстремизм – это «особая форма активности молодых людей, которая выходит за рамки общепринятых норм, типов, форм поведения и направлена на разрушение социальной системы или какой-либо ее части»². В данном случае молодежный экстремизм отождествляется с разрушительной для социальной системы формой активности молодежи. При этом необходимо понимать, что энергия молодежной среды даже является по сути разрушительной для прежней социальной системы, может иметь прогрессивный характер и приводить к позитивным переменам, как, например, движение студенческой молодежи в США и Европе в 1960–1970-х гг.

С точки зрения Л.В. Баевой, «молодежный экстремизм представляет собой особую разновидность взглядов и поведения молодежи, основанных на культивировании принципа силы и агрессии»³. Данное определение также не может являться исчерпывающим. Например, молодые спортсмены культивируют принцип силы и агрессии, но не по отношению к социальной системе, а применительно к своим соперникам, которые могут подвергаться настоящей обструкции. Кроме того, агрессивные взгляды скорее близки к радикализму, нежели к экстремизму.

¹ Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М., 2009.

² Смирнов В.А. Основы молодежной политики в сфере профилактики экстремизма // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 14. С. 78–87.

³ Баева Л.В. Молодежный экстремизм в современной России // Обзор. НЦПТИ. 2015. № 5. С. 16–21.

Ю.А. Зубок и В.И. Чупров позиционируют молодежный экстремизм как «разновидность экстремизма, несущего в себе отпечаток социально-возрастных особенностей молодежи, включающий различные формы проявления максимализма в сознании и крайностей в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровне»¹.

Анализ различных определений понятия «молодежный экстремизм» все же не дает ответа на вопрос о том, имеет ли место консенсус ученых по поводу его семантического наполнения. В частности, не являются оптимальными ни редукция данного понятия как производного от экстремизма вообще, ни попытки связать его с особыми радикальными воззрениями и социальными практиками молодых людей. Как представляется, российской социологии еще предстоит выработать более оптимальное определение понятия молодежного экстремизма.

По нашему мнению, молодежный экстремизм – это разновидность социальных отклонений, свойственная молодежной среде, обусловленная ее социально-возрастными, социально-психологическими особенностями и заключающаяся в подвижности поля «девиация – делинквентность» прежде всего применительно к политической, духовной и социальной сферам. Подобная ситуация с молодежным экстремизмом существенно осложняет как его научный анализ, так и осуществление практических управленческих мероприятий по профилактике и противодействию.

По мнению А.Ю. Евтюшкина, «экстремизм в молодежной среде современной России выступает как следствие деформаций процесса формирования и развития личности, непосредственно связан с разрывом преемственности ценностных и нравственных установок поколений, снижением показателей гражданственности и патриотизма, уровня общекультурного развития, криминализацией сознания части молодежи в условиях социально-экономического кризиса»².

Ряд исследователей связывают молодежный экстремизм с девиантными практиками, которые в свою очередь детерминируются

¹ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления // Социс. 2008. № 5. С. 37–47.

² Евтюшкин А.Ю. Молодежный политический экстремизм в современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. С. 7–9.

социально-биологическим и духовно-нравственным обликом подрастающего поколения. Как полагает Т.С. Рябинская, «экстремизм как форма девиантных практик молодежи во многом определяется недостатком жизненного опыта и базируется на принципах максимализма в плане реальных возможностей революционного преобразования социальной действительности. Девиантные практики экстремизма российской молодежи можно разделить на две группы – инновационные и бунтарские. В первом случае экстремизм может проявляться в различных формах искаженного патриотизма, не отрицая культурных целей, но предлагая лишь радикально-экстремистские формы их достижения. Во втором случае, помимо приемлемых средств достижения, отрицаются также культурные цели»¹.

Следует отметить, что для социологии важен системный подход при оценке общественных явлений, институтов, процессов и т. д. Несмотря на то, что не все социологические парадигмы признают это в качестве исходного методологического основания, все же при оценке социальных ситуаций в той или иной мере стремление к упорядочиванию и алгоритмизации присутствует. Такой алгоритм анализа социологическая наука применяет и по отношению к проблеме молодежного экстремизма. В результате возникает специфическая система координат: «социальная норма – девиация – делинквентное поведение» в контексте социального контроля и социальных санкций. В ракурсе социологического анализа общество предстает как системное целое, которое задает определенные «правила игры» для людей. Последние в соответствии с их реакциями могут быть обозначены как отклоняющиеся либо не отклоняющиеся от заданных требований. В таком случае экстремизм может быть определен как разновидность достаточно опасного социального отклонения – преступного поведения.

Применительно к молодежному экстремизму речь идет о частном случае серьезных социальных отклонений, осложненном особым статусом объекта приложения экстремизма – молодежи. Как представляется, нет оснований выделять экстремизм в особый род социальных отклонений, для этого в рамках социологической

¹ Рябинская Т.С. Социокультурные детерминанты молодежного экстремизма в современной России: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2016. С. 8.

науки создана система координат «социальная норма – девиация – делинквентное поведение». Вместе с тем сам феномен экстремизма социология не в состоянии однозначно классифицировать как девиантное либо делинквентное поведение. Экстремизм располагается в сложной системе социальных координат, обстоятельств, детерминант. Весьма важен исторический контекст и социально-политическая обстановка в обществе. Например, существует весьма тонкая грань между радикализмом и экстремизмом. Даже на уровне нормативных правовых актов в Российской Федерации в настоящее время ощущается неопределенность в оценке экстремизма и радикализма.

Так, в 2019 г. Владислав Сеница (псевдоним в сетях Макс Стеклов) участвовал в полемике в социальных сетях интернета и в качестве ответной реплики другому участнику обсуждения написал следующий пост: «Посмотрят на милые, счастливые семейные фото, изучат геолокацию, а дальше ребенок доблестного защитника правопорядка однажды просто не приходит из школы. Вместо ребенка по почте приходит компакт-диск со снафф-видео. Вы как будто первый день на свете живете, задавая такие вопросы!»¹. Следствие (и, соответственно, институт государства, его правоохранительные органы) оценили данное высказывание как экстремистское, преступное деяние, а не как проявление радикализма, так называемые черные мысли, и блогер был приговорен по ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» к пяти годам лишения свободы². Однако научная и общественно-политическая мысль России существенно разделилась во мнениях относительно преступности данного деяния. Так, «специалисты АНО «Судебный эксперт» филологи М. Куликова и А. Карагодин в своем альтернативном заключении, которое предоставила сторона защиты, указывают на то, что высказывание по поводу детей является, прежде всего, воображаемым, там отсутствует категория призыва к подобным действиям; более того, речь идет о спонтанном реактивном высказывании, которое было результатом провокации в тексте пользователя «Голос Мордора», предсказывающем насилие в отно-

¹ URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/27010.1/4073438>

² URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d350878ee36f956a74c2c86830d066eafce20149

шении протестующих со стороны полиции»¹. Таким образом, даже на уровне специализированного, научного сознания нет окончательного ответа на вопрос о том, какая из сторон дискуссии права. Социология, как и другие общественные науки, в настоящее время не имеет однозначного ответа на вопрос о том, где грань между радикализмом, т. е. девиацией, и экстремизмом, т. е. деликтом. Более того, наблюдается существенная политизация данной проблемы. Описанное противоречие усиливает гносеологический потенциал проблемы экстремизма, в том числе молодежного.

Помимо системного позиционирования, проблема экстремизма в среде молодежи актуализируется в качестве фактора дисфункции процесса преемственности и смены поколений. Одной из серьезных сложностей социологического анализа молодежного экстремизма выступает разрыв между фундаментальной и прикладной социологией – применительно именно к российской исследовательской традиции. В настоящее время ощущается недостаток эмпирических и прикладных проектов, осуществляемых в общефедеральных масштабах и носящих мониторинговый, системный характер. К сожалению, большинство проектов выполняется в точечном или повторном форматах и не воспроизводят репрезентативную картину по всем регионам Российской Федерации. В то же время в последние годы вышло множество фундаментальных, общетеоретических трудов по проблематике молодежного экстремизма. Защищено значительное число диссертаций и т. п. Именно поэтому целесообразно отметить превалирование теоретических исследований молодежного экстремизма над практическими.

Одновременно проблематика молодежного экстремизма оказалась включенной в политический дискурс, вследствие чего также произошло снижение эффективности научных изысканий. Самое опасное в данной ситуации заключается в том, что экстремизм может перейти из сугубо социально-правовой плоскости в сферу политической борьбы между властью и оппозицией. Такая ситуация способна разрушить систему научного социологического анализа экстремизма, в том числе молодежного, в современной России.

¹ URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/09/09/81904-sinita-v-rukah-zakona> (дата обращения: 09.09.2019).

Описанные коллизии, связанные с различными видами экстремизма, негативно сказываются на социологической методологии. Так, если экстремизм позиционируется как разновидность социальных отклонений, на которую нацелены формальные негативные санкции в системе социального контроля, то всякий выход за правовое поле (в частности, политизация, вульгаризация, редуционизм и т. д.) несет в себе угрозу концептуальному моделированию системы социологического знания. Противоречия, возникающие в сфере нормативно-правового регулирования проблематики экстремизма в российском социуме (т. е. применение негативных формальных санкций), порождают противоречия и в социологической научной мысли. В частности, так и не удается до настоящего времени дать исчерпывающий научно обоснованный ответ на вопрос о том, где грань между радикализмом и другими формами социальных отклонений. От этого зависит в числе прочего и практика правоприменения в Российской Федерации.

Итак, необходимо отметить, что социологический подход к изучению молодежного экстремизма характеризуется рядом особенностей. Прежде всего основной анализ этой разновидности экстремизма осуществляется в рамках отраслевой социологической теории (или теории среднего уровня) – социологии молодежи. Однако, помимо социологии молодежи, активно используются социология девиантного поведения, социология права и др. Это, с одной стороны, придает большую спецификацию теоретическим построениям, делает их более релевантными к исследуемой проблеме, а с другой стороны, наблюдается и обратный процесс, связанный с некоторой ангажированностью исследовательской линии, с переключением внимания с анализа объективной социальной ситуации на исследование субъективного мира, связанного с молодежной средой. При изучении молодежного экстремизма социологи весьма глубоко исследуют именно субъективный социально-возрастной фактор, однако окончательного ответа на вопрос о его значении в системном построении данной проблемной ситуации пока нет.

Рассмотрение ряда концептуальных построений классиков мировой социологии, касающихся проблемы отклоняющегося поведения, в том числе экстремизма как опасной разновидности девиаций, показало, что условно все теории можно дифференциро-

вать на две группы: объективные и субъективные. Первые при изучении самого явления экстремизма, а также при анализе его детерминант уделяют основное внимание объективным факторам внешней среды – макрофакторам. Вторые, напротив, акцентируют внимание на личности, ее духовном мире, психологии, социальных чувствах, системе ценностей и т. п. При этом ни одна из двух групп теорий не выглядит в настоящее время исчерпывающей.

В связи с этим сильной стороной концепции молодежного экстремизма ведущих российских социологов является именно симбиоз основных положений указанных двух групп теорий. Молодежный экстремизм выступает воплощением социально-биологической сущности молодежи как особой, переходной социальной группы и в то же время является выражением ряда системных проблем трансформирующегося общества, продуцирующих состояние риска и неопределенности. Подобное понимание молодежного экстремизма характеризуется значительной эвристической ценностью, учитывает как объективные социально-исторические, цивилизационные условия существования молодежного экстремизма, так и специфику самой молодежи, имманентно присущие ей уникальные черты.

Исследование проблематики молодежного экстремизма представляет значительную сложность для системы социологического знания. Для социологической науки непростой задачей выступает работа со специфическими объектами, нарушающими требования различных норм, в том числе норм права, а значит, конфликтующими с государством, его системой принуждения к правомерному поведению. В частности, речь идет о таком объекте, как молодые экстремисты, молодежные экстремистские группировки. В данном случае налицо существенные ограничения в социологическом познании, так как социолог, контактируя с преступниками, по нормам этики и права не может нарушать закон, в том числе касательно соучастия или сокрытия информации о готовящемся преступлении. В связи с этим применение непосредственных методов анализа объекта, например опросных методик или наблюдения, сопряжено с серьезными рисками для самого исследователя. Косвенные методы существенно уступают в эвристической ценности и не всегда могут быть полезны для исследования молодежного экстремизма.

У эмпирической социологии имеются существенные преимущества перед ведомственной статистикой или официальной отчетностью государственных органов власти, прежде всего, в оперативности и отсутствии заинтересованности в каком-либо результате. Однако против социологов играют опасения должностных лиц по поводу распространения служебной информации, бюрократическая волокита и имеющиеся негативные стереотипы о низком качестве социологических проектов. Указанные проблемы требуют оперативного решения в современном российском обществе.

В свою очередь, фундаментальный социологический анализ выглядит отвлеченным и нередко утрачивает контроль над динамическими характеристиками проблемной ситуации, что в принципе неприемлемо для системы государственного управления. Особую сложность для фундаментального социологического анализа представляет исследование молодежного экстремизма, локализуемого в особой социально-возрастной группе, весьма сложной для внешнего научного анализа.

Становится очевидным, что эффективное исследование проблематики молодежного экстремизма современной системой социологического знания возможно, во-первых, с опорой на общетеоретическую методологию, которая весьма сильна своей концептуальностью и логической стройностью именно у социологии, в отличие от ряда других общественных наук. С другой стороны, сильной стороной социологического познания молодежного экстремизма выступает практическая ориентация, наличие приемов и подходов для эффективного управленческого консультирования государственных органов власти, что особенно важно при профилактике молодежного экстремизма.

Именно социологическая наука с опорой на отраслевую социологию молодежи обладает комплексом концепций, методов, методик и техник, позволяющих построить модель реальности, которая бы учитывала симбиоз объективных и субъективных факторов детерминации молодежного экстремизма в условиях российского общества XXI в.

1.2. Социально-психологическая, социально-возрастная и социокультурная детерминация молодежного экстремизма в России

Среди множества разновидностей экстремизма, которые зафиксированы и детально описаны российскими учеными, именно молодежный экстремизм занимает особое положение. Это объясняется несколькими важными моментами, в том числе особой ролью подрастающего поколения в замещении уходящих, а также склонностью к алогичным, иррациональным действиям молодежи как маргинального, слабо адаптированного к социальной реальности слоя, к тому же подверженного действию биологических механизмов (сублимация энергии, пубертация, акселерация и т. п.). Становится очевидным, что проблематика молодежного экстремизма в своей основе содержит сложный симбиоз множества разнонаправленных факторов, которые в единстве образуют объективно-субъективные детерминанты молодежного экстремизма в условиях российского общества XXI в.

Социологический анализ молодежного экстремизма вследствие определенных методологических приоритетов направлен на всестороннее исследование уникальных характеристик молодежи как особой социально-демографической группы. При этом принято считать, что под воздействием ряда объективных факторов те специфические характеристики молодежи, которые делают ее уникальной социальной группой в России, могут стать и факторами риска. Рассмотрим более подробно данную проблему.

Период биологического созревания, активного становления личности – один из самых сложных в жизни человека. Основной проблемой социологического познания молодежи являются весьма широкие допущения и «усреднения» (единой периодизации возрастных границ молодежи, как и этапов социализации, социального развития и взросления не существует в социологической научной литературе).

В частности, с точки зрения Л. Розенмайера, молодежный период начинается в 13 лет и завершается в 24 года. Возраст от 13 до 18 лет – юношество, а демаркационная линия, отделяющая человека от детства, проходит именно в 18 лет. В свою очередь в возрастном промежутке от 18 до 24 лет наиболее четко выступает

дифференциация молодежи по ее семейному, правовому и профессиональному статусу¹.

И.А. Громов определяет возрастные границы молодежи от 11 до 25 лет, исходя из уровня социального созревания и отношения подрастающего поколения к различным институтам общества. Он подразделяет весь возрастной этап молодости на три подэтапа: подростковый (11–14 лет), юношеский (15–17 лет) и молодежный (18–25 лет)².

Для Б.А. Ручкина возрастной интервал молодежи 15–29 лет. При этом в данном возрастном интервале выделяется три периода: подростки – до 18 лет, молодежь – 18–24 года, «молодые взрослые» – 25–29 лет³.

Классик советской молодежи В.Т. Лисовский полагал, что возрастные границы молодежного возраста находятся в пределах от 16 до 30 лет⁴. Аналогичного мнения о верхней границе молодежного возраста придерживается и И.Я. Суртаев⁵.

Согласно так называемому «ресурсному подходу» молодежный возраст находится в пределах от 18 до 30 лет. Это связано с тем, что в современном обществе процесс профессионального обучения, который во все времена считался периодом подготовки к взрослой жизни, становится практически непрерывным и весьма долговременным, состояние молодости становится все более протяженным во времени⁶.

С точки зрения института государства границы между детством и молодостью можно определить согласно возникновению дееспособности и деликтоспособности. На этот аспект обращает внимание А.Ф. Радченко. Исследователь отмечает, что «граждане, не достигшие 18 лет, обладают специфическими правами и обязанностями. Закон различает недееспособных (до 15 лет), ограниченно дееспособных (15–18 лет) и дееспособных (старше 18 лет). В трудовом правоотношении прием на работу лиц, не достигших 16 лет, строго регламентирован (тяжелые, вредные, опасные усло-

¹ Вагин Д.Ю. Преемственность поколений в сфере духовно-нравственных ценностей современной молодежи России: дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2017.

² URL: <https://pandia.ru/text/80/198/42282-3.php>

³ Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социс. № 5. С. 90–98.

⁴ Лисовский В.Т. Социология молодежи: учеб. пособие. СПб., 1996.

⁵ Суртаев И.Я. Молодежь и культура. СПб., 1999. С. 152.

⁶ Загребин В.В. Подходы к определению категории «молодежь» // Концепт. 2014. № 2.

вия труда исключаются). Граждане, не достигшие 18 лет, находятся под особой охраной Уголовного кодекса РФ (преступление против малолетнего, подстрекательство, привлечение к соучастию в преступлении – отягчающие вину обстоятельства)»¹.

Сравнительный анализ мнений зарубежных и отечественных социологов молодежи касательно возрастных границ данной социальной группы показывает, что до настоящего времени наука не смогла прийти к консенсусу относительно понимания возрастных индикаторов молодежного возраста. Однако именно возраст – едва ли не самая очевидная объективная характеристика молодежи. Остальные характеристики еще более сложны для адекватной научной оценки и социально-управленческой интерпретации. В связи с этим перед нами с очевидностью возникает гносеологическая проблема, связанная с исследованием не только объективных, но и субъективных характеристик молодежи, например ее ценностного мира, социальных настроений, мировоззрения и т. д. Современная социология молодежи не нашла эффективных путей решения отмеченной проблемы.

Одним из стратегических направлений действий в рамках современной ювенологии могла бы стать разработка междисциплинарного подхода как интегративной технологии открытого XXI в. Как отмечают П.А. Амбарова и Г.Е. Зборовский, «молодежь – это специфическая возрастная общность, развитию которой присущи темпоральные (временные) характеристики и комплекс темпоральных противоречий. Возраст молодежи – этап ее развития, границы и содержание которого обусловлены взаимосвязью биологических, психологических и социальных темпоральных характеристик. В данном аспекте важное значение имеет междисциплинарная трактовка возраста, которая позволяет лучше, чем узкодисциплинарные подходы, понять природу темпоральных противоречий молодежи. Темпоральный феномен отражает переплетение биологического, психологического и социального»².

¹ Радченко А.Ф. Молодежь и ее возрастные границы // Социология власти. 2012. № 3. С. 19–29.

² Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Темпоральные характеристики и противоречия студенческой молодежи как возрастной общности // Высшее образование в России. 2016. № 4. С. 73–78.

Обращаясь к закономерностям взросления, непосредственно связанным с возрастными характеристиками молодежи, следует обратить внимание на условность социального содержания возрастных границ. В частности, классический цикл «подростки – юноши – молодежь» в обществе XXI в. является весьма вариативным. Так, нередко ученые констатируют феномен акселерации (раннего опережающего физического взросления молодежи над духовно-нравственным). В результате 14–15-летний подросток выглядит как взрослый, обладает соответствующей физической силой, но при этом с правовых, социальных и духовных позиций все еще остается ребенком. Фиксируются и противоположные процессы, например, феномен инфантилизма – запаздывающего взросления, когда даже вышедшие формально из молодежного возраста лица отказываются принимать на себя бремя социальной ответственности.

С точки зрения исследователей, «инфантилизм – это комплекс характеристик личности, выражающихся в незрелости эмоционально-волевой сферы, задержке нравственного и социального созревания, отсутствии трудовой мотивации, слабой потребности в достижениях, несамостоятельности решений и действий, зависимости личности от других, хаотичности поведения, позиции иждивенчества, гедонизме, а также слабо развитой способности рефлексии при явно доминирующей потребности в удовольствии и развлечении, несформированности преодолевающего поведения»¹. Инфантилизм в молодежной среде представляет существенную опасность, фактически становясь одним из деструктивных факторов социального развития. Именно под воздействием инфантилизма 30-летние люди могут вести себя как дети, не желая принимать бремя социальной ответственности, а 16-летние, напротив, могут вести себя как взрослые.

В силу изложенного представляется крайне сложным для социологической науки, как фундаментальной, так и эмпирической, однозначно зафиксировать все этапы жизненного цикла молодежи и привести их исчерпывающие универсальные критерии.

¹ Серегина А.А. Социально-психологические условия преодоления инфантилизма у безработной молодежи: дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.

Весьма сложная гносеологическая проблема фиксируется исследователями и относительно прохождения «классических» этапов социализации именно в современном социуме (адаптация, идентификация (или поиск своего «я») и интеграция). В настоящее время в социологической науке нет универсального понимания развития молодежи, как и отсутствует общепризнанная теория молодежи. В различные периоды исторического развития общества молодые люди выросли по-разному (заводили семью, строили карьеру, начинали трудовую деятельность и т. д.).

Кроме того, период пубертации по-разному отражается на той или иной группе в молодежной среде. У одних наблюдается серьезное воздействие гормональной активности на социальные практики, у других – нет. Эти проблемные ситуации повышают уровень неопределенности по отношению к молодежи как особой социально-возрастной группе, затрудняя стратегическое планирование социально-управленческих действий, направленных на работу с молодежью.

Интеграция молодежи в культуру, усвоение культурных элементов (морали, мировоззрения, идеологии и т. д.) выступает одним из ключевых процессов преемственности и смены поколений. Уходящие поколения призваны позаботиться о передаче духовного наследия, сосредоточенного в ценностях, идеалах, мировоззрении и т. п. Успешность данного процесса позволяет преодолеть основные риски вхождения молодежи во взрослую жизнь, а его сбой, дисфункции с высокой вероятностью ведут к обострению социальной ситуации – как на макро-, так и на микроуровне реальности.

С позиций социологической науки социализация молодежи представляет собой процесс получения индивидом навыков, необходимых для полноценной жизни в обществе. В отличие от других живых существ, чье поведение обусловлено биологически, человек как биосоциальное существо нуждается в процессе социализации. Первоначально социализация индивида обычно происходит в семье, а уже потом – вне ее¹.

Как указывает А.И. Ковалева, «социализация призвана обеспечить постоянный личностный рост. Принято признавать ее

¹ Ковалёва А.И. Социализация личности: норма и отклонение. М., 1996.

успешной, если индивид осваивает необходимые социальные роли, усваивает одобряемые данным обществом, социальной общностью ценности, социальные нормы, стереотипы поведения. Но это не значит, что она происходит как поступательное движение вверх. Это сложный, противоречивый, динамичный процесс, который, особенно в молодые годы, сопровождается кризисами. Одни кризисы удается преодолеть, другие нет. Человек не всегда может справиться с кризисом социализации, и дальнейшее развитие его личности может пойти не по восходящей»¹.

С точки зрения исследователя, существует и идеальная модель социализации, которая «представляет собой сложную социальную систему взаимодействия личности и социальной среды и непрерывный, поэтапный, преемственный процесс. В системе социализации личность выступает в качестве активного элемента, который избирательно усваивает ценности, приоритеты всех сфер жизни, вырабатывает индивидуальные поведенческие установки»².

Современное трансформирующееся общество продуцирует множество рисков и угроз применительно к процессу социализации подрастающих поколений. Серьезные дисфункции социализации связаны с общим кризисным состоянием системы школьного образования в России. Ситуация обостряется тогда, когда одновременно с дисфункциональностью школьного образования наблюдаются отклонения в институте семьи, роль которой является критической применительно к первичной социализации.

По мнению Н.В. Уголькова, «в ситуации недостатка родительского внимания, ввиду того, что современная школа, находящаяся в стадии непрекращающихся реформ, фактически сложила с себя обязательства быть одним из главных институтов воспитания, многим старшим школьникам ничего не остается, как социализироваться «на улице» или искать пути самореализации и самоактуализации в интернет-пространстве»³.

¹ Ковалёва А.И. Социализация молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социс. 2003. № 1. С. 109–115.

² Хайруллина Ю.К. Социализация личности: теоретико-методологические подходы: дис. ... д-ра социол. наук. Казань, 1998.

³ Угольков Н.В. Интернет и социализация старших школьников // Вестник КГУ им. Некрасова. 2012. Т. 18. С. 101–102.

Стоит отметить, что общество XXI в. исследователи справедливо называют информационным. Микропроцессорные, компьютерные, телекоммуникационные технологии активно проникают в социальную жизнь, изменяют социальную реальность. В новых условиях интеграция индивидов в систему культуры (в ходе процессов социализации и воспитания) осуществляется посредством информационно-компьютерных технологий и интернета. В таком случае нарушается привычный алгоритм социализации, при котором на первом этапе воздействие на индивида оказывают агенты первичной социализации – его ближайшее окружение. В современном обществе эту роль выполняет интернет и связанные с ним интернет-технологии. Подобная трансформация социализационного процесса получила название стихийной социализации.

А.И. Кудактина отмечает, что «в современном российском обществе на передний план выходят стихийные аспекты социализационного процесса, в котором ключевую роль играют интернет, электронные СМИ, которые постепенно начинают институционализироваться и приобретать статус традиционных агентов социализации. В результате данного процесса они отодвигают на второй план традиционных агентов социализации – семью и образовательные учреждения. При этом процесс стихийной социализации практически не контролируется государством и обществом, а информация, сообщаемая школьникам в ходе данного процесса, нередко носит антисоциальный характер и способна привести к дисфункциям в социализационном процессе»¹.

Ключевую роль в усилении позиций стихийной социализации играет интернет. Именно виртуальное общение все чаще замещает собой реальное, вследствие чего социализирующаяся молодежь закономерно глубоко интегрируется в интернет-пространство, получает необходимый социальный опыт не непосредственно от агентов социализации – семьи, школы, а от стихийных коммуникаторов, репутация которых в социуме далеко не очевидна.

Посредством стихийной социализации, реализующейся инструментами интернет-воздействия, российская молодежь зачастую

¹ Кудактина А.И. Социализация российских школьников в условиях социокоммуникативных трансформаций начала XXI в.: социально-политический аспект. Краснодар, 2014. С. 3.

приобщается к глобальной массовой культуре, утрачивает идентификационные национально-гражданские ориентиры. Именно в этих условиях возникает усиление установок космополитизма в сознании подрастающего поколения, т. е. обозначение себя как граждан мира, а не какого-либо отдельного государства. С этим достаточно тревожным эффектом связаны утрата установок патриотизма, «утечка мозгов», угрозы интеллектуальному суверенитету современного государства, в том числе России.

Трансформации социализационного процесса, возрастание в нем рисков дисфункций обосновывают факт того, что социализация не всегда может быть удачной, как развитие социума не гарантированно носит прогрессивный характер – могут иметь место и обратные процессы. Однако негативно повлиять на социализацию могут не только объективные факторы, но и субъективные, в частности, связанные с особенностями молодежи.

Как отмечают исследователи, «социализация не всегда протекает удачно. Дети сопротивляются и изменяют процесс социализации на многих этапах своего развития. Иногда происходит полный провал, который может принимать множество форм: от эксцентричности до открытого сопротивления и протеста против ценностей и норм общества. В современном российском обществе наблюдается социальная отчужденность молодежи, которая выражает свой протест в различных формах девиантного поведения»¹.

Становится очевидным, что успешная социализация представляет собой эффективный механизм, в основе которого – внедрение социально-культурных координат в сознание молодежи, вследствие чего удается добиться добровольного неприятия (морального осуждения) большинства видов девиантного поведения. Именно таков механизм неформальных санкций, которые опираются не на нормы права, а на мораль, традиции, обычаи, религиозные и эстетические воззрения. В эту систему планомерно интегрируется молодежь.

Культурное развитие, полноценная интеграция в духовно-нравственную сферу способны обеспечить стабильное социальное развитие молодежи, преодолеть риски массовых девиаций и криминализации социальных молодежных практик. При негативном

¹ Загребин В.В. Подходы к определению категории «молодежь» // Концепт. 2014. № 2.

развитии событий в молодежной среде, напротив, возникает классическая ситуация аномии (безнормия – в терминологии классика французской социологии Э. Дюркгейма¹), когда вследствие рассогласования, кризиса соционормативной системы последняя утрачивает свой регулятивный потенциал и в молодежной среде начинают доминировать биологические импульсы, не встречая должной поддержки со стороны социальных и культурных установок.

Известно, что молодежь в большей или меньшей степени отрицает доминирующую культуру – такова ее социокультурная природа (зачастую исследователи в данном аспекте рассуждают о «молодежной культуре протеста»). В этом контексте критически важное значение приобретает вопрос о том, как современная культура влияет на сдерживание агрессии, конфликтности молодежи (или, напротив, ухудшает ситуацию). Перед нами, таким образом, гипотетическое противостояние двух культур – доминирующей и молодежной; при этом противоречие может не принять серьезный облик, однако даже гипотетический характер противостояния актуализирует некоторые риски и угрозы применительно к социальному взрослению молодежи. Одним из опасных последствий сложившейся проблемной ситуации выступает молодежный экстремизм.

Следует отметить, что риски экстремизма в молодежной среде перманентны. Они будут существовать и в ближайшей временной перспективе, так как общество, его ведущие социальные институты не обладают на данный момент действенными инструментами влияния на социализацию, инкультурацию молодежи. Речь идет о сложном симбиозе комплекса объективных и субъективных факторов, связанных как с особенностями молодежи, в том числе с социокультурными характеристиками, так и с объективно сложной ситуацией трансформирующегося социума, где молодежь попадает в непростые условия вследствие маргинального статуса, общего неустойчивого положения в социальной системе.

Несмотря на объективно детерминированную сложность положения молодежи в трансформирующемся социуме и высокие риски опасных девиаций, имеет место и ряд проблем, связанных с

¹ Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.

положением социологической науки, призванной осуществлять адекватный своевременный мониторинг проблемной ситуации.

Особого внимания при этом заслуживает эмпирическая социология молодежи, от которой напрямую зависит эффективность государственного управления. Следует отметить, что эмпирическая социология на данный момент объективно не может в полной мере описывать риски молодежного экстремизма, адекватно оценивать их с позиций социально-управленческого анализа. Молодежь – крайне сложный объект для рационального, объективного социологического исследования. Молодежь, в противоположность исследователям-социологам, иррациональна, эмоционально-чувствена и зачастую в силу этого просто не вписывается в формат эмпирического исследования. Кроме того, достаточной гибкостью отличаются далеко не все социологи.

А.Ф. Радченко справедливо утверждает, что «молодость – кризисная фаза развития. Подросток – уже не ребенок, но еще не взрослый. Социально-психологические особенности молодежи могут выступать как фактором положительной, так и отрицательной направленности в российском обществе»¹.

Девиантное поведение характерно для любых возрастов, однако именно в молодежной среде оно приобретает неповторимую специфику. Как отмечает Ж.А. Сташ, «особенности молодежной девиации в социокультурном пространстве связаны с деструктивными процессами социальной трансформации в обществе: повышением влияния субкультурных ценностных тенденций, трансформацией системы ранней возрастной социализации, упразднением ряда институциональных форм воспитания и агентов социализирующего влияния»².

Сложные социокультурные условия накладываются на негативные эффекты воздействия массовой культуры потребления, формируют состояние системной проблемы вследствие социально-возрастных особенностей самой молодежи. С точки зрения И.В. Куликова, «молодежью удобно манипулировать из-за недостатка у нее социального опыта, относительно легкой внушаемо-

¹ Радченко А.Ф. Указ. соч.

² Сташ Ж.А. Девиации поведения молодежи: региональные особенности социокультурной превенции: дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2015.

сти, излишне эмоциональной оценки событий и реакции на них»¹. Именно лабильное, парадоксальное сознание молодежи становится одним из устойчивых факторов генезиса и развития экстремизма. В социологической литературе достаточно распространена точка зрения, согласно которой «молодежь в условиях информационного общества и в силу своего маргинального статуса в наибольшей степени оказывается подверженной негативному влиянию вербовщиков экстремистских и террористических групп, является благоприятной средой для восприятия ксенофобных и националистических установок»².

Ряд социологов справедливо усматривают корни проблемы молодежного экстремизма в неустойчивом положении подрастающего поколения и в несостоятельности института государства в решении возникшего противоречия. В частности, в научной литературе указывается, что «молодежный экстремизм – это результат недостаточной социальной адаптации молодежи, влекущий асоциальное поведение молодых людей. К факторам, порождающим экстремизм, можно отнести как общий социально-политический и экономический кризис, так и криминализацию населения. Создание благоприятных условий для социализации личности, для воспитания и развития молодого человека – главная задача современного общества»³.

Бедрик А.В. и Зарбалиев В.З. полагают, что «осознание молодежью отсутствия действенной системы социальных гарантий таких прав, как права на труд, семью, экономическую независимость, общественное уважение и самоуважение, порождает недовольство, толкает на бунт»⁴. Подобная трактовка проблемной ситуации в определенной мере соответствует марксистскому пониманию характера социальных конфликтов и их перехода в антагонистический статус.

В качестве одного из факторов молодежного экстремизма применительно к российскому обществу исследователи также

¹ Куликов И.В. Экстремизм среди молодежи // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 7. С. 175–177.

² Бедрик А.В., Зарбалиев В.З. Факторы распространения молодежного экстремизма на Юге России на современном этапе // Caucasian Science Bridge. 2018. № 1 (1). С. 38–50.

³ Куликов И.В. Указ. соч. С. 175–177.

⁴ Бедрик А.В., Зарбалиев В.З. Указ. соч. С. 38–50.

отмечают и «социальную дезорганизацию граждан. Имущественное расслоение населения ведет к тому, что социум перестает функционировать как целостный организм, объединенный общими идеями, целями, ценностями. Нарастает социальная напряженность, появляются группы, стремящиеся изменить сложившийся порядок, в том числе насильственными методами»¹.

Ведущие российские социологи молодежи Ю.А. Зубок и В.И. Чупров считают, что молодежный экстремизм «вытекает из сущности молодежи как социальной группы и определяется переходным характером субъектности. В стремлении обрести самостоятельность и независимость от взрослых молодым людям, особенно подросткам, приходится преодолевать внутренние противоречия, являющиеся порождением амбивалентных проявлений (застенчивость и агрессивность, открытость и замкнутость, нигилизм и фанатизм). Внешние противоречия возникают на стыке взаимодействия молодежи с обществом, при столкновении с его жесткими требованиями. На групповом и индивидуально-личностном уровне это нередко проявляется в дискриминации молодежи по возрастному признаку, в нарушении ее прав в образовании, труде, профессиональной деятельности, сфере культуры, семейных отношениях, ограничении возможностей ее физического и духовного развития, ущемлении прав личности. Молодые люди не могут не реагировать на подобное отношение к ним, нередко выбирая экстремальные формы защиты»².

А.И. Кудактина обращает внимание на сложность процесса социального взросления молодежи в условиях нестабильного трансформирующегося общества. Как полагает автор, «молодому поколению приходится особенно нелегко в таком обществе, когда старые ценностно-нормативные, мировоззренческие, морально-нравственные, социально-коммуникативные основы утрачивают свое значение, а новые – только находятся в стадии становления и обретения социальной значимости. Молодежи, в отличие от взрослых, необходимо осваивать и усваивать принципы стабильного существования во взрослом социуме, некие «правила игры»,

¹ Бедрик А.В., Зарбалиев В.З. Указ. соч. С. 38–50.

² Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления // Социс. 2008. № 5. С. 37–47.

которые в условиях трансформаций выглядят весьма зыбкими и переменчивыми»¹.

Зарубежные социологи обращают внимание на то, что в последние годы обострилось явление, которое часто называют подстрекательством к радикализации насильственного экстремизма или «насильственной радикализацией». В основном этот феномен касается интернета и, в частности, социальных сетей. Вместе с тем зарубежные социологи не отрицают, что другие офлайн-факторы, включая личные коммуникации, давление со стороны сверстников и ложную информацию, представляют собой серьезную угрозу. Параллельно с повышенным вниманием к интернет-экстремизму попытки предотвратить это опасное явление создали проблемы для свободы выражения мнений, которые варьируются от неизбежного блокирования, чрезмерной цензуры, затрагивающей как журналистов, так и блогеров, и вторжения в частную жизнь до подавления или инструментализации СМИ. Ввиду этого в процессе противодействия молодежному экстремизму целесообразно учитывать ключевые международные стандарты в области прав человека. В международных договорах подчеркивается, что нормой является свобода личности, а любые ограничения должны носить исключительный характер и подчиняться необходимости и соразмерности.

Следует провести четкую грань между защитой свободы выражения мнений и выявлением и адекватным реагированием на высказывания, поставленные на службу насильственному экстремизму. В связи с этим возникает вопрос о том, можно ли и имеет ли смысл различать выражение мнений, которое сводит экстремизм к подстрекательству, причинению вреда (дискриминации, вражде и насилию), угрозе национальной безопасности или мобилизации на насильственные действия².

Компании социальных сетей иногда упрощенно обвиняют в безответственности и призывают делать больше для предотвращения радикализации молодежи в интернете, ведущей к насильственному экстремизму. Тем не менее, хотя это и является обвинением интернета в насильственной радикализации, совсем не ясно,

¹ Кудактина А.И. Указ. соч. С. 3.

² URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000260382> (дата обращения: 12.09.2019).

можно ли этот фактор удалить, например, через отключение или блокировку интернета. В то же время удаление явно опасного онлайн-выражения само по себе не гарантирует решения проблемы, которая, очевидно, имеет основополагающие и более глубокие измерения. Однако совершенно ясно, что удаление выражений может создать еще больше проблем, приводя к нарушениям законных выражений, будь то государственными органами или интернет-компаниями¹.

Таким образом, целесообразно отметить, что специфика молодежи как особой социально-демографической группы, как уникальной возрастной когорты несет в себе как прогрессивные, так и регрессивные черты, характеризуется как положительным, так и отрицательным влиянием на социум. Окончательный спектр влияния характеристик молодежи на ее дальнейшее развитие, процессы социализации, инкультурации, социального развития определяется комплексом взаимодействующих факторов макро- и микросреды общества в тех или иных конкретных исторических условиях.

Рассмотрев различные факторы детерминации молодежного экстремизма, непосредственно связанные с социально-психологической, социально-возрастной и социокультурной спецификой молодежи, можно прийти к следующим выводам.

Так, социально-психологические особенности молодежи создают риски сублимации биологических импульсов, подавления эмоций, чувств, берущих свое начало в процессах пубертации, акселерации. Именно поэтому молодые люди зачастую ведут себя агрессивно, иррационально, алогично. В ряде случаев подобное поведение приводит молодежь к экстремизму. Учитывая данные риски, институт государства призван тщательно разрабатывать молодежную политику, которая бы нивелировала биологическую составляющую молодежи, снимала риски социальной напряженности, особенно во взаимодействиях молодежи и взрослых.

Социально-возрастные особенности молодежи, будучи в целом тесно связанными с социально-психологическими характеристиками, дополняют картину проблемной ситуации. Именно социально-возрастные факторы нередко приводят молодежь к крайним, экс-

¹ URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000260382> (дата обращения: 12.09.2019).

тренистским формам реагирования на проблемы социальной действительности, заставляют молодых людей выбирать неадекватные формы реакций на социальные вызовы. При этом молодежь зачастую является весьма закрытой для исследования, диагностики и корректировки со стороны государства, что обостряет проблему экстремизма.

Социально-психологические и социально-возрастные особенности молодежи находят свое выражение в интернет-аддикции, многочасовом времяпрепровождении в глобальной сети, вследствие чего имеет место неадекватное восприятие физической, а не виртуальной реальности, что также обостряет проблему экстремизма и затрудняет ее решение.

И, наконец, социокультурные особенности молодежи проявляются в специфической молодежной культуре, которая по многим содержательным критериям противостоит культуре взрослого общества. Кроме того, в ее пространстве представлено множество субкультур и контркультур, содержание которых еще более радикально по отношению к доминирующей социокультурной системе. Ситуация усугубляется засильем массовой культуры потребления в российском обществе XXI в., что вызывает устойчивое неприятие части молодежи. Именно поэтому молодежная культура в настоящее время не утрачивает свой протестный потенциал, а отрицание социокультурных основ общества в ряде случаев способно привести молодежь к радикальным и экстремистским воззрениям.

Становится очевидным, что молодежный экстремизм в основе своего генезиса и развития имеет не только объективные, но и ряд субъективных факторов, непосредственно связанных с особенностями молодежи. Речь идет о социально-психологической, социально-возрастной и социокультурной детерминации этого опасного социального явления. Именно множество факторов, лежащих в основе генезиса проблемы молодежного экстремизма, демонстрирует, с одной стороны, сложный, многоуровневый характер противоречия, с другой стороны, практически не оставляет вариантов для его оперативного и эффективного решения, так как требуется нивелировать социально-возрастные риски молодежной среды и одновременно снизить протестный потенциал молодежной культуры. Каждая проблемная ситуация, связанная с молодежным экстремизмом в современной России, по-своему уникальна,

единого эффективного механизма профилактики и противодействия молодежному экстремизму не существует. Именно поэтому важно развернуть сеть мониторинговых социологических исследований молодежного экстремизма в каждом субъекте Российской Федерации, но сегодня такой сценарий маловероятен из-за недостатка финансирования и отсутствия единой специализированной исследовательской сети.

1.3. Молодежный экстремизм в условиях трансформирующегося российского общества: состояние, тенденции развития

С точки зрения социологического подхода любое общество – динамическое образование с постоянно колеблющимся социокультурным, экономическим, политическим и другими полями. Вместе с тем глубина изменений в социуме может быть весьма различной. В ряде случаев трансформации общества вполне могут затронуть основы его функционирования, влиять на социальные институты и ключевые подсистемы, в этом случае нарушается воспроизводимость основных социальных процессов в их привычном облике. Именно так продуцируются системные риски, связанные с «заложенными ошибками» (или априорными дисфункциями) в функционировании социальной системы. Этот эффект наиболее зримо проявляется на примере социального взросления молодежи, которая в рамках достаточно стабильно происходящих социальных процессов принимает социальный опыт предшествующих поколений (социализация, инкультурация, воспитание и т. д.). Нарушение привычных, устоявшихся векторов указанных социальных процессов, составляющих основу преемственности и смены поколений, порождает неуверенность, неустойчивость социального бытия, усиливает и без того значительную маргинальность и радикальность молодежи.

Подобные условия, весьма непростые по своей сути, характеризуются опасными последствиями именно в молодежной среде, так как обостряются системные проблемы, которые практически не имеют решения на современном этапе развития общества и по сути являются классическим примером конфликта поколений

«отцов и детей». Индикаторами развития обозначенной проблемной ситуации могут выступать:

лабильность, неустойчивость сознания, которое оказывается открытым для практически любого негативного воздействия, облеченного в соответствующую форму (это обстоятельство усиливается объективно сложным положением молодежи в социуме: у большинства представителей данной социально-демографической группы ощущаются нехватка денег, проблемы поиска достойной работы, спутника жизни и т. д.);

иррационализм, максимализм, которые составляют устойчивую тенденцию к крайним мерам, социальным действиям, драматизации действительности;

массовая культура, задающая высокие стандарты потребления (концепция Э. Фромма¹), что порождает неврозы, проблемы с психикой у молодых людей;

политическая пассивность молодежи в России в своем большинстве, что формирует значительный разрыв с ключевыми элементами политической системы, который покрывается в числе прочего и посредством экстремизма;

криминализация сознания, правовой нигилизм, ведущие к тому, что значительная часть молодежи не воспринимает серьезно законы до тех пор, пока не столкнется с формальными негативными санкциями.

Экстремизм выступает одним из серьезных последствий дисфункционального социального развития современной российской молодежи. Именно экстремизм представляет собой один из негативных кумулятивных эффектов воздействия широкого спектра рисков и угроз на взросление молодого поколения, его интеграцию во взрослую жизнь. На теоретическом уровне социологический анализ экстремизма достаточно широко представлен в научной литературе. Однако практические социологические исследования в российском обществе не носят системного характера, сопряжены с рядом проблем, ухудшающих их качество и снижающих возможности научной экстраполяции. В рамках настоящего параграфа целесообразно изменить соотношение фундаментальных

¹ Фромм Э. Бегство от свободы / пер. Г.Ф. Швейника. М., 2011.

и эмпирических данных, касающихся проблемы молодежного экстремизма в современной России.

Очевидно, что проблема молодежного экстремизма нуждается в серьезном социологическом изучении именно на эмпирическом уровне. Такая исследовательская стратегия позволит осуществить эффективный процесс научной верификации общетеоретических данных, так как в настоящее время в специализированной литературе наблюдается определенный дисбаланс фундаментальных данных над практическими. В связи с этим существует риск акцентирования внимания на абстрактных конструктах молодежного экстремизма, что скорее соответствует методологии социальной философии. Однако социологическая наука призвана осуществлять иную исследовательскую стратегию.

В целях получения эмпирической информации о состоянии и тенденциях развития экстремизма в трансформирующемся российском обществе целесообразно проанализировать данные социологических исследований, проведенных учеными в различных российских регионах в последние годы. Несмотря на различия в методике и технике, в целом данные исследовательские проекты отвечают основным принципам проведения эмпирического исследования и, следовательно, могут стать материалом сравнительного исследования на основе изучения вторичных данных.

В частности, в рамках исследовательского проекта в городе Тольятти респондентам был задан вопрос «Знакомы ли Вы с деятельностью экстремистских организаций в нашем городе?». Выяснилось, что большинство горожан (62%) в возрасте от 14 до 30 лет не знакомы с их деятельностью. В то же время 27% респондентов отметили, что слышали о деятельности подобных организаций, а 11% признались, что принимали участие в этой деятельности¹. Социологами был также поставлен вопрос «Как Вы относитесь к действиям представителей экстремистских организаций?». Как оказалось, большая часть респондентов отрицательно относится к деятельности подобных организаций. Так, 56% молодежи высказались о том, что осуждают действия экстремистов, а 25% – скорее осуждают. Однако среди респондентов были и те, кто относится к

¹ URL: <http://dmoshans.ru/shans-press/sociologicheskie-issledovaniya/sociologicheskoe-issledovanie-tolerantnost-i-prichiny-proyavleniya-ekstremizma-v-2018-godu>

действиям экстремистов положительно – 17%. Из них 6% признались, что одобряют такие действия, а 11% – скорее одобряют¹.

Одним из признаков экстремизма выступает нетерпимое отношение к людям, отличающимся по национальным или религиозным признакам. При ответе на вопрос «Считаете ли Вы, что в районе вашего проживания существует проблема нетерпимого отношения к людям другой национальности или веры?» 55% опрошенных отметили, что считают актуальной проблему нетерпимого отношения к представителям другой национальности в районе их проживания. В то же время 14% из них утверждают, что данная проблема проявляется очень остро. Другая часть (44%) придерживается мнения о том, что это происходит иногда. Другая половина (45%) придерживается противоположного мнения и склоняется к тому, что данная проблема в г. Тольятти отсутствует².

В ходе реализации еще одного исследовательского проекта респондентам было предложено ответить на вопрос «Приходилось ли Вам сталкиваться с проявлением экстремизма в повседневной жизни?». Было выявлено, что большинство опрошиваемых (60%) никогда не сталкивались с таким явлением, как экстремизм, 19% – сталкивались несколько раз, 15% – хотя бы один раз, а 5% – сталкиваются с экстремизмом достаточно часто.

Отвечая на вопрос «Вы когда-нибудь участвовали в конфликтах на национальной почве лично?», 17% респондентов ответили, что им приходилось принимать участие в таких конфликтах, а 9% затруднились ответить. Остальные (74%) ответили, что они никогда не принимали в таких конфликтах участие³.

Исследование, проведенное Н.Л. Смакотиной, показало, что практически каждый седьмой опрошенный не видит ничего плохого в национализме и экстремизме. Тем не менее большинство опрошенных (76%) считают национализм одной из форм экстремизма. При этом 44% молодых людей к экстремизму относят только крайние формы проявления национализма⁴.

¹ URL: <http://dmoshans.ru/shans-press/sociologicheskie-issledovaniya/sociologicheskoe-issledovanie-tolerantnost-i-prichiny-proyavleniya-ekstremizma-v-2018-godu/>

² Там же.

³ Нурьев Ф.Ф. Изучение отношения современной молодежи к проблеме экстремизма // Молодой ученый. 2016. № 12. С. 750–754.

⁴ Смакотина Н.Л. Проблема экстремизма в молодежной среде в условиях социальных трансформаций // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. № 5. С. 65–68.

Исследование И.А. Савченко показало, что большинство опрошенных считают экстремизм достаточно распространенным явлением среди современной молодежи: только 9% ответили отрицательно на вопрос «Как вы считаете, можно ли говорить о распространении экстремистских взглядов среди молодежи на сегодняшний день?». При этом 29% считают, что такие взгляды получают быстрое распространение. Проведенное исследование показало, что 79% молодых людей разделяют мнение об особой подверженности молодежи экстремизму¹.

И.А. Савченко указывает: «Оценивая опасность различных проявлений экстремизма, респонденты отнесли к наиболее опасным: акции протеста с применением насилия – поджоги, взрывы, уличные беспорядки и др. (37%); пропаганду фашизма, включая использование фашистской символики, одежды, приветствий (30%); унижения, оскорбления, угрозы в адрес людей иных национальностей, вероисповеданий (29%)»².

Немного менее опасными молодежь считает различные проявления политического экстремизма: захват заложников для достижения своих политических целей (20%); политические убийства, физические расправы (18%); запугивание, преследование политических противников (13%); призывы к насильственному свержению президента и правительства (11%). К наименее опасным проявлениям экстремизма опрошенные отнесли призывы к ликвидации свободы печати (4%) и призывы к запрету существующих партий и движений (4%). Кроме того, 4% ответивших не считают экстремизм опасным явлением³.

Любопытно, что у молодых людей, признавшихся в том, что они разделяют экстремистские взгляды, несколько иные представления о причинах появления экстремизма: 60% из них считают основной причиной появления экстремизма недостаточное правовое просвещение граждан; 36% считают, что это несправедливое неравенство в обществе; 44% полагают, что весьма важной причиной является пропаганда экстремизма в СМИ.

¹ Савченко И.А. Молодежный экстремизм в г. Москве: опыт социологического исследования // Социодинамика. 2018. № 4. С. 21–28.

² Там же.

³ Там же.

Наибольший интерес представляет информация о том, в какой степени молодые люди разделяют экстремистские взгляды и симпатизируют тем, кто осуществляет действия экстремистского характера. Подавляющее большинство (86%) не разделяет подобные взгляды, чуть меньше респондентов (72%) отрицательно относятся к действиям экстремистских движений. Однако 11% опрошенных к действиям экстремистских движений относятся положительно (7% – полностью поддерживают и 4% – относятся скорее положительно) и столько же (11%) относятся к ним нейтрально. К тому же 14% опрошенных признались, что разделяют экстремистские взгляды¹.

А.И. Юдина и В.С. Кудрин отмечают, что «большинство респондентов (71,5%) в своей профессиональной деятельности лично сталкивались с проявлениями экстремизма в молодежной среде. Среди основных форм проявления экстремизма, с которыми сталкивались респонденты, на первое место был поставлен молодежный экстремизм в сфере межэтнических отношений – 43%. 20,5% респондентов сталкивались с проявлениями бытового экстремизма, 15,6% – политического, 12,7% – религиозного и 7,8% – социально-протестного экстремизма»².

Результаты эмпирического исследования С.Н. Немгировой показывают, что в массовом общественном сознании экстремизм не имеет однозначной оценки, представляясь как в узкой, так и в широкой трактовке. Узкое понимание экстремизма заключается в том, что респонденты ограничивают область его распространения отдельными его проявлениями. Например, вариант ответа «бандитизм» дали 38,7% респондентов, 18,1% опрошенных ответили, что под словом «экстремизм» понимают такие явления, как неонацизм и неофашизм, 14,6% – группировки. Среди опрошенных только 0,7% респондентов совершали действия экстремистского характера. Примечательно, что среди молодежи таких не оказалось. Лично сталкивались с проявлением экстремизма на территории Калмыкии за последний год только 4% респондентов, среди которых

¹ Савченко И.А. Указ. соч. С. 21–28.

² Юдина А.И., Кудрин В.С. Экстремизм в молодежной среде: анализ состояния современной социальнокультурной ситуации // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2 (38). С. 100–103.

50% калмыков, 27,3% русских и 22,7% представителей других национальностей.

По данным эмпирического исследования, 7,9% респондентов в возрасте 18–29 лет лично встречались с проявлениями экстремистских действий в виде: унижения, оскорбления людей по национальному признаку; осквернения, разрушения памятников, храмов, могил; экстремизма в сети интернет. Причем сталкивались с проблемами такого рода молодые жители города и районных центров – 7,1 и 6,4% соответственно (респонденты в возрасте 18–29 лет, проживающие в селе, не испытывали этой проблемы на себе). Никогда не сталкивались с проявлениями экстремизма 85,5% опрошенных.

Вместе с тем только 18,2% из тех респондентов, кто подвергся экстремистскому давлению или был свидетелем подобной ситуации, обращались за помощью в правоохранительные органы. При этом в качестве основной причины подавляющим большинством респондентов (61,1%) была названа бессмысленность, безрезультатность обращения, что, в свою очередь, может указывать на низкую степень доверия этой государственной структуре, для которой защита прав граждан является приоритетной задачей, а 22,2% опрошенных считают, что это привело бы только к лишним проблемам. Также респонденты отвечали, что либо отсутствовала необходимость или возможность обратиться за помощью в соответствующие органы, либо уже были предприняты соответствующие меры, либо они сами разрешили конфликтную ситуацию¹.

В целом среди молодежи небольшая доля опрошенных (5,9%) указали, что они имеют среди своих знакомых людей, открыто выражающих экстремистские идеи. Положительным моментом является и то, что абсолютное большинство молодых людей (86,8%) не имеет таких знакомых вообще. Затруднились определить, есть ли среди их знакомых люди, разделяющие экстремистские идеи, 4,6% опрошенных молодых людей².

С.Н. Немгирова указывает, что «общественное сознание молодежи в своих оценках молодежного экстремизма достаточно од-

¹ Немгирова С.Н. Экстремизм в молодежной среде: региональный аспект // Вестник ИКИАТ. 2014. № 1 (28). С. 73–78.

² Там же.

народно и характеризуется поразительным единством. Большинство опрошенных молодых людей сходятся во мнении, что экстремизм в молодежной среде выступает как негативное явление общества, подчеркивая при этом необходимость борьбы с ним (82,9%). Экстремизм не стал нормой жизни для молодых жителей республики, только 2,0% молодежи рассматривают данное явление как вполне нормальное. Об этом свидетельствует и невысокая доля тех, кто считает экстремизм «вынужденной мерой (проявлением защитной реакции) (4,6%)»¹.

Масштабный эмпирический проект методом анкетирования молодежи Краснодарского и Ставропольского края был осуществлен Д.А. Лазаревым в марте – июне 2016 г. Как показало эмпирическое исследование, большинство участников (64,9%) не имеют в своем окружении людей, разделяющих экстремистские взгляды и состоящих в соответствующих сообществах, что вполне естественно, так как подавляющее большинство членов общества законопослушны. Вместе с тем 11,3% молодых людей указали, что у них имеются подобные контакты в окружении. 23,8% респондентов отметили, что у них нет уверенности в каком-либо однозначном ответе.

Относительно проблемы экстремизма опрошенные видят ее решение в противодействии коррупции (53,2%), улучшении социально-экономической обстановки в стране (45,8%). На третьем месте по степени распространенности следует утверждение о необходимости улучшения государственной молодежной политики (41,8%). Опрошенная молодежь рассматривает в качестве основных факторов, детерминирующих проблему молодежного экстремизма, экономические и политические факторы, которые, по мнению молодых людей, при этом мало зависят или вовсе не зависят от самой молодежи. 17,9% участников исследования являются пессимистами и полагают, что экстремизм невозможно победить².

Т.С. Рябинская в ходе эмпирического исследования молодежи Ростовской области выясняла, является ли проблема экстремизма

¹ Немгирова С.Н. Указ. соч. С. 73–78.

² Лазарев Д.А. Молодежный экстремизм в условиях трансформирующегося российского общества: проблемы профилактики и противодействия: дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2018. С. 124–127.

актуальной для своего населенного пункта и для России в целом. Исследование показало, что данная проблема актуальна как для территории Ростовской области, так и для России в целом (58,7 и 79,5% соответственно). Молодые люди Ростовской области (68%) утверждают, что знают значение слова «экстремизм»; 15,1% опрошенных утверждают, что когда-то его слышали; 12,2% – не знают, что такое экстремизм; 4,3% – никогда не слышали о нем¹.

Опросы общественного мнения среди молодежи, проведенные различными российскими исследователями в субъектах Российской Федерации, показывают в целом достаточно однородную картину сложившейся проблемной ситуации. Прежде всего следует обратить внимание на то, что проблема экстремизма признается в качестве актуальной большинством опрошенных. При этом реальные проявления экстремизма, как и доля вовлеченных в сферу влияния экстремистских групп, организаций, движений фиксируются социологами на весьма незначительном уровне. По-видимому, сложившееся противоречие связано с тем, что тематика экстремизма давно проникла в дискурс СМИ, публичное пространство интернета, набрала популярность в общественном мнении. Однако реальные проявления экстремизма редко встречаются в повседневной жизни. Таким образом, проблема во многом усиливается искусственно.

Несмотря на незначительную долю преступлений экстремистской направленности в общей картине криминогенной ситуации в России, все же следует обратить внимание на то, что, например, в период с 2008 по 2013 г. количество указанных преступлений, нашедших свое отражение в уголовно-правовой статистике, росло темпами, непосредственно опережающими рост преступности в целом. При этом общее количество преступлений в России за этот период характеризуется плавным снижением. Так, если в 2003 г. было зарегистрировано всего 157 преступлений исследуемой группы, то в 2013 г., по данным статистической отчетности МВД России, их было 896. И это самый высокий показа-

¹ Рябинская Т.С. Социокультурные детерминанты молодежного экстремизма в современной России: региональный аспект: дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2017.

тель за весь исследуемый период. На этом фоне количество преступлений экстремистской направленности увеличилось в 5,7 раза¹.

Более актуальные статистические данные не меняют сложившейся тенденции. Так, в январе – июле 2019 г. зарегистрировано 371 преступление экстремистской направленности (59,8%). Почти все эти дела успешно расследуются, раскрываемость по ним составляет 88,6%².

А.В. Петрянин особое внимание обращает «на стабильность ежегодного прироста преступлений экстремистской направленности – в среднем 20%, при условии стабильного снижения преступности в целом за последние пять лет. Исследование также показало высокий уровень латентности преступлений экстремистской направленности, что свидетельствует о несоответствии приведенных выше статистических данных реальному объему криминального экстремизма. По мнению ряда ученых, настоящий уровень рассматриваемой группы деяний может в разы превышать цифры, заявленные в официальной статистике»³.

Возникает достаточно опасный эффект возможного искажения реальной информационной картины, связанный именно с официальной статистической отчетностью. Учитывая важность конкретных показателей регистрируемых и раскрываемых преступлений экстремистской направленности, нельзя исключать и возможность целенаправленного искажения данных, манипуляции информацией и т. п. с целью избежать формальных негативных санкций, различного рода служебной ответственности. Во всяком случае, если сравнивать данные, полученные посредством опроса молодежи, и официальные статистические данные, то возникает несоответствие между численностью экстремистских преступлений и оценкой общественным мнением, в том числе самой российской молодежью. Косвенно данную тенденцию подтверждает и динамика осужденных за преступления экстремистского характера в Российской Федерации. Как показывают данные, отображенные на рисунке, наблюдаются пики раскрытых дел о насилии по мотиву

¹ Петрянин А.В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 318–321.

² URL: <https://ria.ru/20190821/1557724554.html>

³ Петрянин А.В. Указ. соч. С. 318–321.

ненависти (2010–2012 гг.), численность которых затем резко падает. Аналогичная ситуация возникает в 2016–2018 гг., теперь уже вследствие высказываний интернет-пользователей, квалифицированных как преступные деяния. Возможно, подобные расхождения связаны с общим незначительным числом наблюдаемых случаев. Вместе с тем нельзя исключать и какие-либо сознательные манипуляции со статистическими показателями.

Рис. Осужденные за преступления экстремистского характера¹

¹ URL: <https://polit.ru/article/2019/02/23/extremism-laws>

Полученные данные подтверждаются и динамикой преступлений террористической и экстремистской направленности (по данным на 2016 г.). Так, в начале исследуемого периода численность преступлений экстремистской направленности стабильно возрастала. Затем, начиная с 2013 г., начался резкий рост подобных преступлений. После некоторого периода падения одновременно стала возрастать и численность террористических преступлений (табл.). Однако социально-экономическая и социокультурная ситуация в России в указанный период оставалась стабильной, как и социально-политическая обстановка (после обострения политической борьбы на федеральном уровне в 2011–2012 гг.). Таким образом, объективных факторов, которые бы непосредственно повлияли на подобную тенденцию, не было. Возможно, мы сталкиваемся с какими-либо «отложенными эффектами». Вероятно, в данном случае важен независимый аудит ситуации с преступлениями экстремисткой направленности, к которому необходимо привлечь организации, представляющие гражданское общество. Однако такой анализ представляется маловероятным в современной России.

Таблица

Динамика преступлений террористического характера и экстремистской направленности в Российской Федерации¹

Годы	Преступления	
	Террористического характера	Экстремистской направленности
2004	9523	130
2005	5438	152
2006	1781	263
2007	759	356
2008	642	460
2009	654	548
2010	581	656
2011	622	622
2012	637	696
2013	661	896
2014	1127	1024
2015	1531	1308

¹ Рябинская Т.С. Указ. соч.

Итак, целесообразно отметить, что молодежный экстремизм стал частью обыденной жизни российского общества. Следует признать, что в ближайшее время по объективным причинам не следует ожидать успешного решения указанной проблемы. Экстремизм в молодежной среде – лишь эксплицитная часть более глубокой проблемы, связанной с дисфункциями социального взросления и интеграции подрастающего поколения во взрослую жизнь. При хроническом неувоении молодежью основных норм, ценностей, опыта старшего поколения происходит генезис условий для роста девиантного и делинквентного поведения, одной из разновидностей которого выступает молодежный экстремизм. Трансформации, происходящие в российском обществе в XXI в., также оказывают влияние как на саму проблему экстремизма, так и на тенденции ее развития. Учитывая тот факт, что трансформации нарушают в той или иной мере привычный, устоявшийся ход социальных процессов, функционирование социальных институтов и подсистем, возникают дополнительные риски социального взросления молодежи, часть из которых социум оказывается не в состоянии преодолеть. Это также выступает одной из причин развития экстремизма, его благодатной почвой.

Анализ вторичных данных исследований российских социологов предоставляет возможность оценить состояние проблемы экстремизма в различных российских регионах. Как показывают проекты различных отечественных социологов, сложилась достаточно противоречивая картина. С одной стороны, в большинстве регионов, где проводился опрос, доля вовлеченных в экстремистские движения, а также сочувствующих им не превышает 10–15% – достаточно небольшой по меркам социальной системы показатель. Однако в ряде случаев показатель превышает треть и иногда достигает практически до половины респондентов. Данная тенденция, безусловно, нуждается в дополнительных верификационных исследованиях. С другой стороны, в абсолютных числах мы имеем дело с десятками или сотнями тысяч молодых людей с деформированным правовым сознанием, правовой культурой, нигилистическим отношением к праву. Возможно, не все респонденты, несмотря на их заверения, четко представляют себе различия экстремистов от законопослушных граждан, но, например, имеющих радикальные воззрения. Ситуацию усугубляет весьма противоре-

чивая официальная статистика преступлений экстремистской направленности в России: достаточно часто отмечаются пики активности и спадов экстремистской деятельности, имеющие неизвестные причины, что дает основания строить различные гипотезы, в том числе связанные с манипуляцией статистическими данными и т. п. Таким образом, объективный анализ проблемы молодежного экстремизма в России начиная с 2002 г. осложнен правовой двусмысленностью в толковании ключевого термина «экстремизм»¹, что, безусловно, проникает в обыденный дискурс и осложняет восприятие проблемы населением, а также отрицательно влияет на государственную политику в данном вопросе.

Относительно тенденций развития проблемы экстремизма в молодежной среде в ближайшее время следует отметить, что существенное влияние на динамический аспект оказывает неустойчивое социальное положение, детерминированное трансформационным состоянием российского социума. В таких условиях вектор действия политических, экономических, духовных и социальных факторов способен менять как сам характер проблемы экстремизма, так и положение существенных элементов, предопределяющих состояние и развитие проблемы. Быстро меняющиеся условия социальной среды затрудняют прогнозирование развития проблематики экстремизма, особенно в молодежной среде. Здесь к комплексу объективных факторов добавляется широкий спектр субъективных, связанных с социально-возрастными и социально-психологическими свойствами молодежи. Последние оказывают существенное влияние как на степень интеграции в рассматриваемую проблему, так и на возможности органов государственного управления по противодействию экстремизму. Как показали исследования, проведенные в различных регионах Российской Федерации, сами молодые респонденты предлагают противоречивые методы борьбы с экстремизмом.

Таким образом, можно констатировать наличие гносеологической проблемы в социологической оценке молодежного экстремизма в условиях трансформирующегося российского общества. В настоящее время превалирование фундаментальных и теоретико-

¹ Макеева И.С. Экстремизм как уголовно-правовая категория // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 90–96.

прикладных исследований над эмпирическими продуцирует угрозы невалидной репрезентации отдельных элементов проблемы, что лишь усугубляет состояние неопределенности. Для преодоления данного состояния необходимо установление баланса между фундаментальными и практическими исследованиями по проблеме молодежного экстремизма в России.

2. Дезорганизация процесса преемственности и смены поколений как социальная проблема России начала XXI века

2.1. Динамика трансформаций российского общества как фактор дезорганизации процесса преемственности и смены поколений

Социальные изменения в современном российском обществе характеризуются высокой скоростью протекания. Это обусловлено социетальными процессами, в которые оказался интегрирован российский социум, – такова специфика глобального миропорядка XXI в. Несмотря на наличие ряда общих черт трансформаций российского общества, мнения социологов относительно факторов детерминации, механизмов протекания и, главное, социальных последствий данных процессов серьезно различаются.

Как полагает А.Э. Страдзе, в российском обществе «преобладает тенденция консервативного взгляда на изменения, так как преобладающие идеалы равенства перед законом и идеалом связываются с надеждами на усиление роли государства, а социальные изменения, происходящие снизу, рассматриваются как стихийные, содержащие деструктивизм и неопределенность результатов»¹. Вместе с тем вектор социальных изменений может носить разнообразный характер, в том числе в направлении от народа к власти, поэтому нельзя исключать ни один из более или менее реалистичных сценариев.

О.В. Гуренкова отмечает, что «в ходе социальной трансформации в конечном счете меняется социетальный тип общества, она предстает как более сложный процесс, чем целевое реформирование обществ, предполагающее сохранение их типологической идентичности. Социальная трансформация реализуется через изменение системы базовых общественных институтов, социальной

¹ Страдзе А.Э. Социальные изменения в российском обществе в контексте социальной активности россиян // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 3. С. 135–139.

структуры и человеческого потенциала общества, которые связаны друг с другом сложными механизмами»¹.

Очевидно, что масштабные социальные трансформации, подобные тем, которые наблюдаются в российском обществе начала XXI в., предполагают глубокие изменения в функционировании основных институтов и подсистем. В связи с этим исследователи справедливо обращают внимание на «особенность современных трансформационных процессов, которые охватывают все уровни общественной вертикали: общенациональный, региональный, локальный, групповой, индивидуальный. При этом по мере спуска на нижние «этажи» подконтрольность этих процессов центральной власти снижается. Возникают несогласованности и расхождения в понимании конкретных вопросов, интересы властного Центра нередко расходятся с интересами региональных элит, местных общностей, отдельных организаций и граждан»².

И.В. Князев, рассматривая социально-исторические особенности трансформационных процессов в российском обществе, обращает внимание на следующую тенденцию: «...их отличает увеличение роли стихийных факторов, слабая управляемость и непредрешенность конечных результатов. Нестабильность трансформируемой системы близка к состоянию «динамического хаоса». Риски социальных катастроф, при утрате контроля над социальными изменениями становятся чрезвычайно велики и грозят привести к непредсказуемым, губительным последствиям»³. В основе возникшего состояния риска и неопределенности лежит комплекс процессуальных факторов, связанных с быстрым течением многих социальных процессов, вследствие чего закономерно утрачивается контроль над их ходом.

В связи с этим исследователь закономерно обращает внимание на то, что «кризисность развития российского социума в периоды реформ, незавершенность модернизационного проекта объясняются неорганичностью проводимых преобразований социально-экономической, политической и культурной специфики общества.

¹ Гуренкова О.В. Особенности трансформации общества в современной России // Концепт. 2016. № 5. С. 18–23.

² Там же.

³ Князев И.В. Трансформационные процессы в России: субъективный аспект: дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2006. С. 3–4.

Неразвитость общественных сил, заинтересованных в переменах, вынужденный характер реформ и политическая апатия основной массы населения выдвигают в России на роль субъекта преобразований государство, властвующую элиту»¹.

На протяжении веков реформаторские процессы в России не соответствовали в целом общеевропейским тенденциям развития. В частности, долгое время ситуация ухудшалась вследствие неразвитости буржуазии как класса, который, с одной стороны, обеспечивал бы нужный общественный запрос на проведение реформ, а с другой стороны, являлся бы сдерживающей силой, не позволяющей встать во главе социальных изменений радикальным, экстремистским силам, как это произошло в 1917 г. В дальнейшем на постсоветском пространстве стала все острее проявляться проблема недостаточной численности и, главное, социальной активности среднего класса, что весьма усложняло позитивную модернизацию в условиях глобального информационного общества. Подобные условия существенно усложнили процесс вхождения молодежи во взрослую жизнь, особенно усвоение ею социального и культурного опыта предшествующих поколений.

Как полагает Т.Л. Крюкова, «реформы в России и дестабилизация в стране вынуждали и вынуждают человека «выживать», что формирует в сознании молодого поколения отношение к старшему поколению как к иждивенцам. Молодежь, не имеющая ясного представления о жизни старшего поколения, часто драматизирует их социальное положение. В массовом сознании, как в скрытой, так и в явной форме, фиксируется отношение к пожилым людям как к бесполезной категории населения. Фактически государство реализует стратегию вытеснения людей преклонного возраста из сферы доступа к престижным ценностям, власти и другим ресурсам... Внимание общества в большей степени акцентируется на проблемах молодежи, чем на проблемах лиц пенсионного возраста. Происходит трансформация отношения молодежи к старшему поколению в направлении от традиционно почтительного к нетрадиционному, не характерному для российского менталитета, осуждающему, порицающему, отвергающему»².

¹ Князев И.В. Указ. соч. С. 9.

² Крюкова Т.Л. Молодежь о старшем поколении: психология межпоколенного конфликта // Психологические исследования. 2008. № 2.

Как указывает Э.В. Леготин, «в условиях глубоких социальных преобразований особое значение приобретает изучение формирования ценностей и поведенческих установок у молодых людей, только вступающих в общественную жизнь, поскольку в данном случае становление личности осложнено кризисным состоянием процессов социального и культурного воспроизводства. Те жизненные ориентиры, которые в этих непростых условиях приобретают молодые когорты, будут оказывать все возрастающее влияние на складывающееся общественное устройство по мере занятия ими ключевых позиций в экономике, социальной жизни, политике и культуре»¹.

Кризисное состояние системы культуры априори подразумевает неустойчивое социокультурное поле (ценности, нормы, идеалы, идеологии, мировоззрение и т. п.). В связи с этим интеграция молодежи во взрослую жизнь в таких условиях существенно затрудняется. Передача социального и культурного опыта старшего поколения в такой сложной ситуации зачастую оказывается сильно затруднена или попросту невозможна. Культурная коммуникация сталкивается с культурным хаосом, дезориентацией, что нивелирует все прогрессивные усилия агентов социализации. При этом инструменты стихийной социализации, прежде всего интернет, отражают кризисное состояние культуры, передают те коммуникативные конструкты, которые обладают деструктивными характеристиками по отношению к личности молодого человека.

По мнению О.А. Нор-Аревян, «в условиях социальной трансформации изменяется характер межпоколенного взаимодействия: из субъект-объектных они становятся субъект-субъектными. В современной России этот процесс приобретает конфликтогенный характер. Конфликтогенность рассматривается как процесс нарастания противоречий во взглядах, интересах и ценностях под влиянием экзогенных и эндогенных факторов, приводящий к столкновению сторон и обостряющий способы взаимодействия между ними. Ситуация системного кризиса, создающая ценностный межпоколенный разрыв, характеризует конфликтогенность как неготовность старшего поколения рассматривать молодежь в качестве

¹ Леготин Э.В. Межпоколенческая дифференциация среди молодых когорт в условиях преобразования российского общества: дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2003.

субъекта социального взаимодействия, воспринимая и используя ее социальный опыт»¹.

Очевидно, что отсутствие консенсуса между старшим и младшим поколениями в аспекте принятия устоявшегося социального и культурного опыта имплицитно содержит в себе риски разрастания конфликтных ситуаций. В самом драматическом случае это может быть классическим конфликтом «отцов и детей». Однако в большинстве случаев глубокого противостояния удастся избежать, что вместе с тем не означает полного решения проблемной ситуации, имеющей многолетнюю историю, как применительно к российскому, так и применительно к зарубежным обществам. В частности, особое беспокойство вызывает аксиологическое пространство социума как основополагающее в системе социокультурных координат.

Как отмечает М.А. Дуарова, «в результате трансформационных процессов, затронувших все общество и все сферы его жизнедеятельности, аксиологическое пространство российского социума, утратив прежнее ценностное единство, стало открытым для ценностей иной культуры, рационально-индивидуалистической, необходимой россиянам для успешной адаптации к изменившимся условиям социально-экономической жизни. Неминуемые изменения в сознании и поведении россиян, ориентирующихся в своей практической деятельности на ценности, способствующие достижению жизненного благосостояния, но при этом еще сохраняющих на культурно-подсознательном уровне приверженность ценностям духовного порядка, расцениваются учеными по-разному»².

Зачастую поколения родителей и детей оказываются не просто носителями различных, часто диаметрально противоположных ценностей, речь идет о гораздо более сложной проблеме взаимоотношений старших и младших поколений в процессе социального развития молодежи, прежде всего в социально-образовательной и социально-профессиональной сферах. Этому, в частности,

¹ Нор-Аревян О.А. Конфликтогенность взаимодействия поколений в условиях социальной транзисии российского общества: микросоциологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2003.

² Дуарова М.А. Межпоколенческие отношения в трансформирующемся российском обществе: динамика и интегративный потенциал: дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2011.

уделяли особое внимание зарубежные социологи. Их исследования показывают, что родители оказывают большое влияние на развитие своих детей, особенно в школьной и трудовой сферах. Молодежь здесь демонстрирует более позитивное развитие, когда родители обладают высокими стремлениями и ожиданиями, занимаются со своим потомством и применяют соответствующий стиль воспитания.

Восприятие молодыми людьми трудового опыта своих родителей может повлиять на их собственную мотивацию к труду. Семья является одним из наиболее близких контекстов для развития ребенка, и родители служат в качестве образцов для подражания, поскольку молодежь формирует убеждения о своих будущих жизненных ролях. ИмPLICITные и EXPLICITные сообщения, которые родители передают о своем опыте в мире труда, являются важным источником информации для их потомства. Некоторые исследования показывают, что молодежь имеет достаточно точное представление об общих аспектах трудовой жизни их родителей, иерархическом положении родителей на их рабочих местах, их удовлетворенности работой и т. д.¹

Другие зарубежные исследования, однако, показывают, что сообщения родителей об эмоциональных и эмпирических аспектах их трудовой деятельности могут не соответствовать представлениям их потомков. Это несоответствие может быть результатом преднамеренных усилий родителей по изображению своей трудовой деятельности в более благоприятном свете с целью положительно повлиять на взгляды молодежи на трудовую деятельность. Молодежь является активным субъектом социализационного процесса, генерирующим свои собственные убеждения относительно трудовой деятельности через призму представлений, ценностей, идеалов, которые могут быть искажены различными социально-психологическими факторами и, по-видимому, более независимым от фактического опыта трудовой деятельности своих родителей, чем предполагают некоторые исследования.

Убеждения молодых людей могут формироваться под влиянием того, как родители взаимодействуют между собой и с детьми

¹ URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4472469> (дата обращения: 14.03.2020).

дома, и того, что происходит в их трудовой жизни. Исследования показывают, что родители, испытывающие насущную потребность в работе и семье, менее склонны чувствовать себя удовлетворенными эффективностью своих воспитательных воздействий и воспринимать позитивные взаимодействия со своим потомством. Эти выводы подразумевают, что взаимосвязь между работой и семейными ролями может также влиять на их поведение по отношению к своим отпрыскам, что, в свою очередь, может влиять на оценку молодыми людьми своих родителей. Таким образом, восприятие детьми трудовой деятельности их родителей и их будущей личной трудовой деятельности может быть смягчено их оценкой качества родительских навыков.

Родители могут оказывать большее влияние на своих детей с точки зрения социализации к взрослым ролям, таким как работник и родитель. Поскольку взрослые рабочие роли переплетаются с семейными ролями и солидное большинство молодых людей ожидают, что они займут обе роли как взрослые, молодые могут более тесно идентифицировать себя с родителями того же пола. Сыновья могут сознательно или неосознанно представлять себе, что они живут так же, как и их отцы, а дочери – что они больше похожи на своих матерей. Кроме того, большинство обязанностей по воспитанию детей и дому по-прежнему выполняются женщинами, несмотря на увеличение числа работающих женщин. Восприятие молодежью трудовой деятельности и семейного опыта своих родителей, а также то, как они воплощаются в представлениях молодежи о своей будущей работе и семейной жизни, может отличаться в зависимости от половой принадлежности. Социализация к трудовой деятельности и семейным ролям может варьироваться в зависимости от систематических различий в восприятии, коренящихся в половой принадлежности. Другими словами, передача родительского трудового и семейного опыта может быть сильнее в однополых диадах (например, отец – сын или мать – дочь), чем в межполовых диадах (например, отец – дочь или мать – сын)¹.

¹ URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4472469> (дата обращения: 14.03.2020).

Восприятие молодыми людьми успехов их родителей в трудовой деятельности и семейной жизни значительно коррелируется между собой. Это свидетельствует о том, что молодежь в определенной степени оценивает трудовую активность своих родителей и их семейные роли как взаимозависимые. Сообщенный родителями семейный опыт, который является показателем качества отношений между родителями и детьми, не повлиял на взаимозависимость опыта трудовой деятельности родителей и восприятия молодыми людьми деятельности их родителей в сфере труда и семьи. Это свидетельствует о том, что качество взаимоотношений не влияет на усиление или ослабление процесса социализации, связывающего родителей и детей в плане восприятия работы и семьи.

Восприятие молодыми людьми жизни своих родителей, в свою очередь, оказало значительное и более осязаемое влияние на собственную эмоциональную и эмпирическую концептуализацию трудовой деятельности. Интересно, что то, насколько успешными в семейной жизни молодежь воспринимает своих родителей, зависит их предполагаемая будущая трудовая деятельность, а то, насколько успешными в трудовой жизни молодежь воспринимает своих родителей, не было существенным фактором в их трудовой деятельности. Молодежь воспринимает семейную сферу и сферу труда как не зависящие друг от друга и даже может бороться за их четкое разграничение. Когда молодежь считает, что их родители преуспевают в семейной жизни, они склонны верить, что их родители также преуспевают и на работе. Молодые люди наблюдают за своими родителями чаще всего в семейной обстановке, но они не участвуют непосредственно в их рабочей жизни, их восприятие поведения родителей дома может являться барометром для общей оценки поведения родителей во всех областях, включая рабочую, тем самым формируя их представления и отношение к сфере трудовой деятельности. Ввиду этого, когда молодые люди оценивают работу своих родителей и семейный успех, – это и то, и другое, рассматриваемое в рамках одной модели, только восприятие молодыми людьми успехов своих родителей в семейной жизни выступает в качестве ключевого фактора трудовой валентности¹.

¹ URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4472469> (дата обращения: 14.03.2020).

Молодежь, рассматривающая работу как позитивный опыт, с большей вероятностью будет когнитивно и эмоционально вовлечена в школьную деятельность, однако никакого негативного влияния на вовлеченность в школьную жизнь не будет, если молодежь будет придерживаться более негативных взглядов на трудовую деятельность. Эта закономерность может быть обусловлена степенью вовлеченности школьников, которая согласуется с отношением к школьной работе. Лучшее качество отношений между родителями и детьми может служить возможным механизмом настройки, обеспечивающим большее соответствие между представлениями родителей и детей о работе¹. Исследование зарубежных социологов преимущественно касается социально-трудовых отношений, однако их с известной долей условности можно экстраполировать и на другие сферы социальной реальности, где имеет место активное взаимодействие «отцов и детей».

Возникает достаточно тревожная ситуация, связанная с тем, что растущие социальные отклонения (девиации, деликты) слабо пресекаются системой социального контроля, а институциональные санкции, особенно моральные, религиозные и прочие, в силу разных причин оказываются неэффективными. Именно поэтому молодежь зачастую не отрицает социальные отклонения, а, напротив, стремится приспособиться к ним. В этом проявляется опасность системной дезорганизации.

Исследователи указывают, что «деятельностная позиция молодежи окрашивается лояльностью к неправовым способам достижения цели и жизненного успеха. Распространенным явлением в молодежной среде становятся «терпимость» и даже «одобрение» таких действий, как «неуплата налогов», «уклонение от службы в армии», «присвоение чужого имущества» на фоне тенденции к «романтизации криминала и преступности». Молодежь легче других перестраивает как свое мировоззрение, так и образ жизни. Тенденции по развитию личности в молодежной среде наиболее

¹ URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4472469> (дата обращения: 14.03.2020).

высоки, но вместе с этим, к сожалению, на задний план все чаще уходит работа в коллективе и доверие окружающим»¹.

Подводя некоторые итоги параграфа, целесообразно отметить, что социологический анализ феномена дезорганизации в контексте трансформаций российского общества предполагает выявление комплекса факторов, оказывающих воздействие на явления и процессы, локализованные как на внешнем, так и на внутреннем уровне социальной системы. Одним из эксплицитных эффектов масштабных трансформаций российского общества XXI в. выступают очевидные изменения в процессе преемственности и смены поколений – одни из основополагающих в институциональной матрице. Сущность проблемной ситуации видится в том, что характер и направленность изменений зачастую носит характер флуктуаций (случайных колебаний), зависящих от комплексного одновременного действия ряда факторов. Именно поэтому наряду с позитивными изменениями становятся хорошо заметны и негативные; одновременно с прогрессивным развитием может наблюдаться и регрессивное и т. д. Подобная ситуация наблюдается во всех основных сферах российского общества – от политической до духовной. Такая тенденция не является признаком системного кризиса социума – речь идет о нарастающем дисбалансе в его развитии в XXI в.

Трансформационные процессы, таким образом, несут в себе различные эффекты, в том числе и выступают как фактор дезорганизации процесса преемственности и смены поколений. При этом социологи при конструировании объяснительной модели стремятся уйти от излишнего редукционизма в описании взаимосвязи между трансформационными процессами, с одной стороны, а также преемственностью и сменой поколений, с другой. В связи с этим диада «трансформационные процессы – дисфункции преемственности и смены поколений» закономерно замещается триадой «трансформационные процессы – социальная дезорганизация – дисфункции преемственности и смены поколений». Как полагают социологи, сами по себе трансформационные процессы многогранны и не приводят априори к каким-либо дисфункциям преем-

¹ Огий О.Г., Лебедев М.Д. Российская молодежь в эпоху трансформации: анализ эмпирических исследований // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2010. № 14. С. 67–70.

ственности и смены поколений. Для этого они с неизбежностью должны принять облик дезорганизации – либо на макро-, либо на микроуровне российского социума. Именно при соблюдении данных условий возникающие дезорганизационные аспекты оказывают непосредственное отрицательное влияние на процесс преемственности и смены поколений. Весьма существенные риски здесь несет неконтролируемое развитие средств массовой коммуникации, прежде всего интернета, информационно-компьютерных технологий. Этот аспект проблемной ситуации будет более подробно рассмотрен в следующем параграфе.

2.2. Социально-коммуникационные проблемы процесса преемственности и смены поколений

Осуществляя социологический анализ различных аспектов процесса преемственности и смены поколений, целесообразно обратить повышенное внимание на социально-коммуникационные стороны проблемы. Такая методологическая установка объясняется тем, что процесс преемственности и смены поколений представляет собой проявление социально-коммуникационных процессов. В основе преемственности поколений лежит передача социального и культурного опыта, что невозможно без привлечения потенциала коммуникационной системы социума.

Исследователи указывают, что «без коммуникации невозможно конституирование социальных общностей, социальных систем, институтов, организаций, существование социума как такового. Коммуникация пронизывает все стороны жизни общества, социальных групп и отдельных индивидов. Коммуникация может иметь место между группами, весьма различными по численности и составу. Она может осуществляться между отдельными лицами, группами, организациями, классами, нациями, странами и регионами мира»¹.

Подобное толкование социально-коммуникационных процессов диктует необходимость научного определения содержания

¹ Подгурецки Ю. Социальная коммуникация – наука XXI века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 2. С. 157–163.

ключевого понятия. В связи с этим исследователи отмечают, что «социальная коммуникация – это процесс создания, преобразования и передачи информации между отдельными лицами, группами и общественными организациями, нацеленный на динамичное развитие, преобразование или изменение знаний, отношений и поведения с тем, чтобы повлиять на субъектов и воздействовать на их систему ценностей и интересов»¹.

В структуре социальной коммуникации имеется множество разновидностей, форм, способов осуществления воздействия. Однако особое место занимает массовая коммуникация, соответствующая особенностям современного постиндустриального общества. Именно массовая коммуникация «работает» с численно большими, географически рассеянными аудиториями.

С точки зрения Е.А. Кожемякина, «массовая коммуникация является не просто сферой потребления информационного продукта и развлечения, но и одним из тех пространств, в которых люди создают и разделяют жизненные ориентиры, ценности, знание, что в совокупности предопределяет не только их информационную осведомленность и оценку актуальных событий, но и их повседневную жизнь и картину мира. С помощью масс-медиа индивиды и группы транслируют свое представление о реальности, нормах и проблемах или же создают смыслы и обмениваются ими. Массовая коммуникация позволяет индивидам структурировать и обосновывать собственный опыт и убеждения»².

Как полагает О.В. Лобанова, современное состояние коммуникационной системы в целом соответствует вектору трансформаций социума. В частности, отмечается, что «современный этап развития общества характеризуется бурным технологическим ростом, развитием информационно-коммуникационных технологий, появлением новых и качественным изменением существовавших ранее средств массовой коммуникации. Параллельно набирает силу процесс глобализации и обостряется возникшая в связи с ним проблема нивелирования локальных культур. Роль массовой коммуникации в современных общественных процессах чрезвычайно велика: на настоящем этапе массовые коммуникации не только

¹ Подгурецки Ю. Указ. соч. С. 157–163.

² Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 12. С. 13–15.

интенсифицируют процесс развития общества, выступая катализатором основных изменений, но и фактически становятся силой, конструирующей реальность и лежащей в основе общественной системы»¹.

Ключевую роль в современных массовых коммуникациях играет глобальная компьютерная сеть интернет. Интернет-вещание основано на разнообразных научно-технических достижениях человечества в ходе информационной революции. Исследователи в связи с этим справедливо указывают, что «технологические инновации играют все большую роль в жизни современного общества. Развитие программирования, быстрое совершенствование IT-технологий и микросхем, разработка специальных средств передачи информации человеку (стереоскопические дисплеи, перчатки и костюмы, в которые встроены датчики, передающие информацию о движениях) – все это создает новое качество восприятия переживаний – виртуальную реальность»².

Особый интерес социологов к глобальной компьютерной сети связан и с тем, что она обладает способностью к генезису виртуальной реальности. Учитывая тот факт, что современная молодежь оказывается интенсивно погружена в пространство интернет-коммуникации, вполне закономерно, что она также серьезно интегрируется в виртуальную среду. Такое положение молодежи далеко не всегда способствует адекватной оценке происходящих событий, а также мировоззренческой, ценностной рефлексии.

Как отмечает В.Ф. Олешко, «в начале XXI в. значительная часть планеты оказалась включенной в новую информационную реальность, которая характеризуется существенно расширившимся доступом к самым разнообразным знаниям и сведениям. У аудитории появилась возможность обращаться к событиям в режиме реального времени, становиться их соучастниками. Происходит ускорение процесса превращения технологий в новые коммуникационные системы»³.

¹ Лобанова О.В. Массовые коммуникации как фактор социокультурной глобализации: дис. ... канд. филос. наук. М., 2012.

² Медникова М.М., Новикова С.А. Место виртуальной реальности в жизни современной молодежи // Вопросы науки и образования. 2017. № 2. С. 115–120.

³ Олешко В.Ф. Газеты России: новая реальность // Известия УрГУ. 2006. № 40. С. 38–45.

И.В. Болдышев обращает внимание на двойственную природу виртуальной реальности, которая выступает важнейшей атрибутивной характеристикой постиндустриального социума. Как отмечает исследователь, «виртуальная реальность имеет двойственную, амбивалентную направленность. С одной стороны, не может не вызывать опасений высокая степень иллюзорности, достигаемая на виртуальном пространстве. Другая опасность, связанная с виртуальностью, заключается в возможности манипулирования сознанием человека. Виртуальные технологии создают иллюзорные объекты, практически неотличимые от подлинных, что затрудняет распознавание истинности получаемой новой информации. Однако такие опасности представляются преувеличенными, ибо большинство виртуальных эффектов в современных условиях могут быть достигнуты и другими, уже имеющимися средствами, для борьбы с которыми, если они будут представлять опасность, уже имеются или разрабатываются соответствующие профилактические меры»¹.

Экспансия виртуальной реальности существенно меняет и характеристики физического, повседневного мира. Несмотря на кажущуюся отдаленность, отстраненность виртуального мира от повседневности, на практике наблюдается множество взаимосвязей между ними. В частности, имеет место проникновение виртуальной реальности в систему духовной культуры.

Л.А. Тягунова указывает, что «виртуальная реальность имеет универсальное значение, поскольку присутствует в любом элементе культуры, и в то же время она является относительной; она относительна к константной реальности, которая ее порождает. Виртуальность является тотальной характеристикой социальной реальности. Виртуализация общества в настоящее время носит всеобщий, универсальный характер. Она касается практически всех элементов общества: экономики, политики, науки, искусства, семьи и сексуальных отношений и др. Сущность развития процесса виртуализации общества состоит в нарастающем замещении вещной среды образами, игра с которыми постепенно приобретает тотальный характер»².

¹ Болдышев И.В. Виртуализация социальной действительности и социальная практика: дис. ... канд. филос. наук. Нальчик, 2006.

² Тягунова Л.А. Виртуализация социума: сущность и тенденции: дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2007.

М.Н. Демина отмечает, что «современные информационные технологии способны проникать в сферу духовных повседневных практик человека. С появлением новых информационных технологий произошел ряд качественных изменений в процессах распространения, потребления и восприятия информации:

существенная интенсификация информационного потока за счет сверхскоростной передачи информации;

повышение доступности информации в силу масштабного распространения и относительно невысокой стоимости доступа в интернет;

увеличение многообразия и степени структурированности информации, возможность ее преобразования в легко читаемые форматы; наличие постоянной обратной связи (мгновенный (синхронный) или отложенный (асинхронный) двусторонний обмен информацией);

интерактивность или вовлечение людей в активный информационный обмен;

организованный по принципу гипертекста цифровой язык сети интернет и, как следствие, его интертекстуальность;

специфическая модель функциональности;

функциональное расширение (функции: коммуникативная, информирования, обучения, рекреационная, самореализации, саморепрезентации и т. д.)»¹.

С точки зрения исследователей, «виртуализация социального как переход основных видов жизнедеятельности современного социума в виртуальное пространство сети интернет приводит к замещению привычных социальных институтов их симуляциями, то есть воображаемыми аналогами, которые в сознании людей имеют статус вполне реальных. С помощью технологий виртуальной реальности создаются симулякры различных социальных взаимодействий, заменяющие собой исходные институциональные практики»².

Вместе с тем виртуализация как основополагающий социальный процесс XXI в. не выглядит однородной. В структуре данного

¹ Демина М.Н. Изменения в когнитивных практиках индивидов под влиянием новых информационных технологий // Социс. 2010. № 6. С. 88–89.

² Капитонова Т. Феномен виртуализации социальной реальности: проблемы и перспективы // Наука и инновации. 2014. № 8. С. 65–68.

процесса выделяются различные связи, взаимодействия, уровни развертывания. В связи с этим Д.М. Соколова убеждена, что существует «три основных аспекта виртуализации социального в информационном обществе: во-первых, она может быть рассмотрена как замещение реальности образами и символами, во-вторых, – как создание альтернативного социального пространства, в-третьих, – как наложение виртуальной реальности на действительность, встреча виртуального и реального»¹.

Известный российский социолог-коммуникативист Г.П. Бакулев подробно рассматривает интернет и приходит к выводу о его мощном потенциале, в том числе в аспекте генезиса виртуальных пространств. Исследователь отмечает в качестве критически значимых качеств глобальной сети то, что «интернет вольно обращается с компонентами традиционной модели массовой коммуникации «источник – сообщение – получатель», объединяя их то в обычные последовательности, то в совершенно новые конфигурации. Коммуникации через интернет принимают разные формы, от веб-сайтов, создаваемых крупнейшими информационными организациями, до переписки по электронной почте между коллегами и друзьями. Формы коммуникации через интернет можно представить в виде континуума: каждая точка в традиционной модели процесса коммуникации может многократно варьироваться»².

В связи с этим вполне закономерно, что российская молодежь оказалась глубоко интегрирована в виртуальную реальность, погружена в нее. Исследователи в числе основных признаков современной виртуальной реальности для современной российской молодежи отмечают:

анонимность коммуникации в виртуальном мире (интернет никому не принадлежит, не контролируется и не управляется, что означает уход от надзора социальных институтов);

утрату социальной реальности, своей определенности и устойчивости (отсутствие «подлинного имени»);

¹ Соколова Д.М. Основные тенденции виртуализации социального в информационную эпоху // Известия Саратовского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 61–64.

² Бакулев Г.П. Проблема интернет-зависимости в свете классических теорий массовой коммуникации // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2015. № 1. С. 21–29.

возможность «игры» в разных ролях и построение множественного образа «я» в интернете;

множественность реальности, требующую от человека постоянных переключений на различные социальные ситуации (прерывистость повседневности);

в качестве единственной реальности личности в виртуальности реальность самопрезентации (создание веб-страничек), инсценировку своей индивидуальности и проявление личности лишь через маску «я»¹.

Однако интернет-пространство не выглядит однородным. Глобальная сеть представляет собой единство формальных и неформальных, индивидуальных, групповых и массовых коммуникаций. Среди них выделяются социальные сети, которые обладают высокой популярностью в молодежной среде.

Исследователи отмечают, что «в социальных сетях молодые люди находят способы самовыражения, общения, поиска друзей. Возможности социальных сетей позволяют молодежи общаться со сверстниками, преодолевать чувство одиночества. Виртуальные социальные сети предлагают доступный способ самовыражения в пространстве интернета. Для подростков и молодежи мир виртуальной реальности притягателен предоставляемой свободой от правил и ограничений взрослых, свободой проявления желаний и потребностей. Гибридизацией художественных и технологических объектов являются компьютерные игры, также популярные среди молодежи. Многие компьютерные игры можно причислить к произведениям искусства. Компьютерная графика, веб-дизайн, соединение технологической основы и художественного продукта придают компьютерным играм особые эстетические свойства»².

А.А. Чернов отмечает несколько факторов, которые воздействуют на рост популярности виртуальных структур интернета в молодежной среде. В частности, «используя сеть, можно задать интересующий вас вопрос всему миру, быстро получить многочисленные ответы и высказать свою точку зрения, поучаствовать в

¹ Медникова М.М., Новикова С.А. Место виртуальной реальности в жизни современной молодежи // Вопросы науки и образования. 2017. № 2. С. 115–120.

² Клементьева И.А., Хвостинко А.А. Виртуальная реальность как способ самореализации и самовыражения молодежи: материалы докладов 52-й Междунар. науч.-технич. конф. преподавателей и студентов. Витебск, 2019. С. 36–38.

виртуальных конференциях, найти друзей и коллег, узнать о чьих-то достижениях и поведать миру о своих собственных. Главное, пожалуй, заключается в том, что человек становится более свободным в выборе информации, что обусловлено обилием ее источников. Появляется реальная возможность самостоятельно формировать набор деловой и развлекательной информации, самому определять, что и когда слушать и смотреть»¹.

Вместе с тем интернет – это не только и не столько канал коммуникации, сколько особая социотехническая среда, спектр функциональных характеристик которой сопоставим с социальным институтом. В частности, как уже отмечалось, глобальная сеть обладает способностью интегрировать в свое пространство элементы духовной жизни общества (мораль, религию, искусство, науку и т. п.). По мере интеграции эти элементы виртуализируются и, по сути, уже представляют собой цифровые копии реальных феноменов. Это значительно усложняет процессы социализации и инкультурации подрастающего поколения.

Следует упомянуть, что в свое время монголо-татарское нашествие привело к возникновению длительного периода в истории России, когда церковные книги-первоисточники оказались утрачены в силу трагических обстоятельств. Попытки их восстановить со стороны властного патриарха Никона привели в числе прочего к церковному расколу в XVII в.² Аналогичные риски возникают и в XXI в., только в отношении других элементов духовной жизни общества. В частности, особое опасение вызывают наука, образование, право и другие фундаментальные институциональные элементы, призванные осуществлять полноценную транзигцию поколений в обществе вне зависимости от того исторического контекста, в котором оно пребывает.

В связи с этим Е.М. Николаева отмечает, что именно посредством социальной коммуникации транслируется опыт старших поколений молодежи. Таким образом, именно коммуникативные процессы обладают институциональным характером к социализа-

¹ Чернов А.А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. М., 2003. С. 19.

² Лазарев С.Е., Курдюмов О.Г. Церковный раскол XVII века в произведениях русской живописи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2015. № 19 (216). Вып. 36. С. 77–83.

ции, воспитанию молодежи. Как полагает исследователь, современный период развития российского общества характеризуется «выдвижением новых требований к личности со стороны общества, размыванием и девальвацией системы традиционных ценностей, сложившегося механизма социализации поколений и нарушении преемственности между ними, модернизацией важнейших сфер жизни постсоветского общества, внедрением чуждых ему духовных ценностей, вытеснением и забвением отечественных культурных традиций, отвечающих за социокультурный иммунитет общества. В периоды трансформаций общественной жизни нормы социализации личности, как правило, либо теряют свое значение, либо отсутствуют. Общество переживает кардинальное изменение основных институтов социализации, сопровождающееся серьезным дисбалансом целенаправленных и стихийных форм социализации в сторону доминирования последних»¹.

Масштабные изменения, происходящие в социальной системе, косвенно позволяют подтвердить или, напротив, опровергнуть эмпирические и прикладные исследования, проводимые социологами в России. В частности, как показывают опросы общественного мнения, молодежь демонстрирует ощутимо больший уровень активности в использовании интернета, чем представители иных поколений. Те исследования, которые проводились ВЦИОМ в минувшие годы, показывают, что среди молодежи существенно выше сама доля активных пользователей: если в среднем по всему населению она составляет около 70%, то среди молодежи до 24 лет достигает 90% и выше².

Как известно, в жизни современной молодежи интернет играет решающую роль. Это подтверждают и проводимые эмпирические исследования. Так, молодые люди чаще рассматривают интернет как средство досуга: если в целом среди населения России только 21% предпочитают проводить свое свободное время именно в виртуальном пространстве, то среди молодежи 18–24 лет этот

¹ Николаева Е.М. Социализация личности как проблема социальной синергетики: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Казань, 2006. С. 4.

² Руденкин Д.В., Руденкина А.И. Интернет как инструмент коммуникации российской молодежи: тренды и риски // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 22–23 апр. 2019 г.: в 2 т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. Т. 1. С. 153–158.

показатель двукратно выше и достигает 44%. Интернет же становится для молодежи важным источником информации и новостей: 65% молодых людей в возрасте 18–24 лет предпочитают узнавать новости именно в виртуальном пространстве, тогда как средняя доля по российскому обществу составляет только 32%. В целом все эти тенденции говорят о том, что интернет органично встроен в социальную реальность российской молодежи: молодые люди пользуются им постоянно, причем в очень разных обстоятельствах¹.

Кроме того, как показали опросы, три четверти россиян в возрасте от 18 до 24 лет заходят в интернет по несколько раз в день, что на 40% больше, чем в целом по России. Наибольшей популярностью пользуется соцсеть «ВКонтакте», там бывают 80% респондентов (в два раза больше, чем по всем возрастным группам). На второе место за последние три года вырвался Instagram, где сидит половина всей молодежи (в целом по России – 18%). С небольшим отрывом третье место досталось Youtube (в целом по России – 23%). Если говорить об интернете как об источнике новостей, то именно в этом поколении впервые в истории страны сеть обогнала телевидение (эта тенденция скоро коснется и поколения 25–39-летних, среди которых просмотр телевизора пока что предпочитают 59%). «Первый канал» молодым заменила страница «Яндекс.Новости»².

Д.В. Руденкин и А.И. Руденкина обращают внимание на то, что «взросление в условиях стремительной интернетизации общества действительно оказало влияние на сознание, поведенческие склонности и привычки молодых людей. Интернет является для большинства из них чем-то большим, чем простым средством коммуникации и скорее имеет признаки полноценной среды обитания – самой основы, вокруг которой выстраивается их повседневная действительность. Полного перехода повседневной реальности молодежи в виртуальное пространство за этим не прослеживается: интернет не является единственной площадкой, с помощью которой молодые люди общаются, развлекаются и получают информацию. Но перспектива такого перехода сохраняется:

¹ Руденкин Д.В., Руденкина А.И. Указ. соч. С. 153–158.

² URL: <https://akostyuhin.livejournal.com/1148988.html> (дата обращения: 12.03.2020).

именно интернет рассматривается многими молодыми людьми как приоритетный инструмент решения этих задач»¹.

Становится вполне очевидным, что «интернетизация» социальных действий и взаимодействий молодежи, их постепенная виртуализация создают особую реальность электронно-коммуникационных технологий, которые обладают высоким потенциалом опосредования контактов, а также создания «копий» явлений, предметов, процессов, феноменов. Новые условия функционирования коммуникационной системы, таким образом, не могут не сказываться на жизни современной молодежи, ее социальном развитии, усвоении опыта старших поколений, интеграции в социум – в профессиональном, политическом, экономическом, духовном аспектах. Судьбоносные для подрастающего поколения процессы, которые и определяют его будущую жизнедеятельность, осуществляются в условиях инновационного коммуникативного риска. Государство и общество, несмотря на достаточно длительный период существования данной проблемы, все еще не выработали эффективной стратегии и тактики ее решения.

Подводя итоги параграфа, целесообразно отметить, что в зависимости от того или иного типа общественного устройства (традиционное, индустриальное, постиндустриальное) меняется и специфика процесса преемственности и смены поколений. На ранних стадиях социальной динамики в условиях закрытых обществ данный процесс во многом зависел от традиций, обычаев и непосредственно детерминировался доминирующим типом социальной стратификации (кастовая, сословная и т. п.). На данном историческом этапе важность коммуникативной составляющей в процессах преемственности и смены поколений была минимальной, так как коммуникация была примитивной, устной, а круг социальных взаимодействий людей весьма узким.

Однако по мере развития социума усиливалась и его открытость, которая достигла апогея к концу XX – началу XXI в. Это стало возможным во многом благодаря прогрессу информационно-коммуникационных технологий – информационной революции, осуществившейся в конце XX в.

¹ Руденкин Д.В., Руденкина А.И. Указ. соч. С. 153–158.

Информационная революция, как отмечают исследователи, – явление неоднозначное. О.С. Бурякова отмечает, что «под информационной революцией можно понимать все имеющие место в истории человечества коренные изменения в технологических основах хранения и передачи информации (формирование человеческого языка, изобретения письменности, печатного станка и современных информационных технологий). В узком смысле информационная революция представляет собой часть научно-технической революции, которая начала свое движение с середины XX столетия, т. е. выступает как специфический феномен, характеризующий современную социокультурную ситуацию»¹.

Т.Н. Лукиных и Г.В. Можаяева отмечают, что «сегодня разворачивается третья технологическая революция – информационная. Вне всякого сомнения, сегодня мы имеем дело с новым переворотом в системе производства. Если промышленный переворот состоял в использовании машин для выполнения физической работы, а умственная деятельность полагалась незыблемой прерогативой человеческого интеллекта, то современная научно-техническая революция создает компьютеры, которые с немыслимой для человека производительностью выполняют многие элементы именно умственной работы»².

Новый тип мироустройства – глобальное информационное общество критически зависит от информационно-компьютерных технологий и Интернета. Именно информация стала активом и основным фактором наукоемкого производства, заменившего фабрично-заводскую индустрию. Микропроцессорные технологии, компьютерные программы проникли во все сферы жизни социума, стали элементом не только экономики, социальной сферы, но и духовной жизни общества. Именно поэтому основные социальные процессы, явления невозможны без влияния коммуникационной составляющей.

Соответственно, процесс преемственности и смены поколений испытал серьезное влияние со стороны коммуникационной составляющей. С одной стороны, субъектам процесса преемствен-

¹ Бурякова О.С. Информационная и знаниевая революции: сравнительный анализ концепций: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2011.

² Лукиных Т.Н., Можаяева Г.В. Информационные революции и их роль в развитии общества // Гуманитарная информатика. 2005. № 2. С. 5–14.

ности и смены поколений стали доступны обширные пласты разнообразной информации, чего не наблюдалось на более ранних этапах общественного развития. Однако, с другой стороны, актуализировались риски, связанные с опосредованием многих критически важных процессов, имеющих частный характер по отношению к основному процессу смены поколений. В частности, передача социального и культурного опыта (социализационная трансмиссия) оказалась затруднена вследствие некачественности информации, «захламления» информационно-коммуникационного пространства. Это в свою очередь привело к деформации системы социокультурных координат подрастающего поколения, которое оказалось лишенным важнейших духовных элементов, необходимых для принятия важных жизненных решений – выбора профессии, спутника жизни, идеалов личностного развития и т. д.

В процессе преемственности и смены поколений критически важен опыт старших возрастных групп, который подлежит передаче. Это происходит в рамках как социализации, которая может быть и стихийной, так и в рамках воспитания, где находит свое воплощение целенаправленная системная деятельность соответствующих институтов и структур – семьи, школы и т. д. Вместе с тем следует признать, что и социализация, и воспитание «настроенны» все же на классический облик социальной системы, где не предполагается виртуализация и опосредование структурных элементов, процессов. Развитие социума в последние десятилетия существенно усложняет данные процессы, подвергает их рискам и угрозам. По сути, передача социального и культурного опыта от старших поколений к молодежи оказывается под угрозой блокирования. Речь не идет о классическом конфликте поколений, о котором рассуждали на протяжении прошлого века ведущие зарубежные и отечественные ювенологи. Это в известной мере упрощение проблемной ситуации. В реальности с каждым десятилетием общество меняет не просто облик коммуникационной системы, правила приема и передачи информации (знаний, умений, навыков, опыта, социокультурных установок и т. д.), а фактически оно меняет «правила игры» для нового поколения. В таких нестабильных условиях и происходит интеграция молодежи во взрослую жизнь. Эта интеграция существенно осложняется виртуализацией, компьютеризацией новой социальной реальности.

Именно социотехническая среда зачастую становится тем барьером, который разрывает процесс преемственности и смены поколений, создавая серьезные трудности для эффективной коммуникации старшего поколения и молодежи. При этом инновационный потенциал подрастающего поколения существенно выше, чем старшего. Этот фактор также приводит к эффекту коммуникативной дифференциации населения России, что усложняет процесс преемственности и смены поколений.

И, наконец, в контексте вышеизложенного актуализируется вопрос о том, каковы должны быть действия управленческих структур в данной ситуации. Очевидно, что любые «лобовые» действия, связанные с усилением государственного влияния, запретов, предписаний, регламентов на использование средств и способов коммуникации в процессе преемственности и смены поколений являются бесперспективными. Объясняется это тем, что использование каналов коммуникации связано с волей акторов коммуникативного процесса, их желаниями, стремлениями, потребностями. В данном случае очевидно, что необходим мягкий, косвенный контроль ситуации, который должен опираться на результаты эмпирических социологических исследований. Прежде всего управленческие структуры нуждаются в описании коммуникативных компетенций молодежи, которая должна усвоить опыт старших поколений. Представляется, что в условиях открытого общества XXI в. директивное управление государственной молодежной политикой, в том числе процессом выбора форм и методов коммуникации взрослых и молодежи, априори бесперспективно. В настоящее время необходимо искать альтернативные пути и способы влияния на поведение молодежи, в том числе в сфере коммуникативных практик и компетенций. В условиях современного российского общества ощущается очевидный недостаток эмпирических исследований молодежи, молодежного сознания и поведения, особых социальных практик подрастающего поколения, без чего управленческие мероприятия оказываются фактически обречены на неудачу. Необходима также и координация на федеральном уровне подобных мониторинговых исследовательских проектов.

2.3. Социальное развитие молодежи в процессе преемственности и смены поколений

Общество как системное образование представляет собой совокупность множества социальных институтов, каждый из которых нацелен на выполнение определенных функций, в своей совокупности позволяющих удовлетворять широкий спектр разнообразных социальных потребностей. В частности, сложный алгоритм взаимодействия различных социальных институтов, подсистем, явлений и процессов предопределяет неповторимую специфику процесса преемственности и смены поколений в современной России. Критически важное значение преемственности и смены поколений связано с необходимостью развития, модернизации социальной системы, ее перманентного обновления в условиях трансформирующегося социума XXI в. Именно молодежь призвана полноценно заместить убывающие поколения – прежде всего в социально-экономическом и духовном аспектах.

С.В. Чекушкин справедливо отмечает, что «жизнеспособность человечества обеспечивается сменой поколений. И чем острее социальные противоречия в обществе, тем актуальнее проблема становления молодого поколения»¹. Даже в условиях относительно стабильной социальной системы смена поколений перманентно содержит в себе целый набор рисков, связанных с потерей управления теми или иными сегментами, сферами. В условиях трансформирующегося социума XXI в. ситуация еще более обостряется – происходит аккумуляция рисков внешней и внутренней среды. При этом полноценно прогнозировать весь спектр последствий оказывается затруднительно по ряду объективных причин.

Л.Г. Лебедева рассматривает содержание понятия «преемственность поколений». По ее мнению, это «социальный институт (и механизм) биосоциокультурного воспроизводства и развития общества, а вместе с этим и определенная всеобщая культурная универсалия; поскольку поколения не представляют собой однородных образований (между подгруппами в рамках одного поколения наличествует широкий спектр социальных различий),

¹ Чекушкин С.В. Проблемы социальной ориентации молодежи в современных условиях: дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары, 2005.

постольку преемственность поколений аналогичным образом разнородна – это не какой-то единый, сплошной, однородный поток, а именно разнородные «струи» в широком потоке поколений; преемственность поколений является одной из естественно-исторических форм самоорганизации жизнедеятельности общества»¹.

Как полагает Х.Н. Садыкова, «смена поколений – это универсальный процесс, основанный на биологическом ритме человеческой жизни, вследствие чего: а) в культурном процессе появляются новые участники; б) старые участники этого процесса постепенно выпадают; в) члены любого поколения могут участвовать только в хронологически ограниченном отрезке исторического процесса; г) необходимо при этом постоянно передавать накопленное культурное наследие»².

Представляется, что именно смена поколений олицетворяет социально-биологическую природу человечества, так как речь идет не просто о механическом замещении старших поколений подрастающими (это имеет место и у животных), а о продолжении духовной, социальной, культурной деятельности, основанной на сознании, – исключительном атрибуте высшей психики человека.

С точки зрения Е.С. Сидорова, «взаимосвязь, динамика поколений является одним из ключевых моментов, на которых построена жизнь всякого общества. Смена, преемственность поколений является неотъемлемой частью любого типа деятельности, социальных институтов, семьи, культуры и общества в целом. Динамика поколений предстает перед нами как определенное взаимодействие, а согласно общей позиции социальной науки XX века, впервые сформулированной немецким философом и социологом Г. Зиммелем, всякое социальное взаимоотношение содержит в себе двуединство кооперации и конфликта»³.

В частности, важное значение в процессе преемственности и смены поколений социологи закономерно придают именно соци-

¹ Лебедева Л.Г. Социоинституциональные основы преемственности поколений в современном российском обществе: дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2017. С. 9–11.

² Садыкова Х.Н. Социокультурная детерминация преемственности в межпоколенческом взаимодействии (на примере населения Тюменской области): дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2016. С. 18.

³ Сидоров Е.С. Межпоколенческая конфликтность как феномен и представление: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2014. С. 3.

альному развитию молодежи. Обращаясь к содержательной стороне понятия «социальное развитие» следует отметить, что «это необратимое направленное изменение материальных и идеальных социальных объектов, а также социальных процессов. Социальное развитие обычно предполагает переход от простого к сложному, от низшего к высшему и т. п.»¹. Таким образом, социальное развитие – универсальный социологический термин, применимый в различных контекстах к группам, классам, явлениям, феноменам в социуме. Вполне закономерно, что данный термин может быть применен и к российской молодежи на современном этапе ее существования.

В.И. Чупров полагает, что «социальное развитие – процесс направленных, необратимых и закономерных изменений. В самом общем виде особенности социального развития определяются состоянием социальной неопределенности, распространяющейся и на молодежь, и на общество. В молодежной среде неопределенность проявляется в невозможности адекватной рефлексии молодых людей на социальные перемены»². В представлениях ведущего отечественного социолога проблемы социального развития молодежи непосредственно связаны с напряжениями социальной системы, что создает дополнительные, порой неразрешимые трудности для подрастающего поколения.

Иная точка зрения на проблемную ситуацию представлена в работах Г.С. Холла, который полагал, что социальное развитие молодежи выглядит спонтанным и непосредственно связанным именно с психическим развитием. Г.С. Холл еще в 1904 г. стал автором первого системного труда по социологии молодежи. По мнению исследователя, имеет место независимость социального развития молодежи от обучения и воспитания. Под влиянием данной теории с подростковым возрастом стали связывать исключительно негативные характеристики, такие как трудновоспитуемость, конфликтность, эмоциональная неустойчивость и т. п. Довольно долго содержание развития подростка описывалось

¹ Шимшилов С.А. Социальное развитие: структура, сущность, содержание // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. 2004. № 1. С. 99–106.

² Чупров В.И. Социальное развитие молодежи в обществе риска // Российское общество и социология в XXI в.: социальные вызовы и альтернативы: тезисы докладов и выступлений на II Всерос. социол. конгрессе. М., 2003. С. 59–60.

в терминах, обобщенных в понятии «кризис развития», подчеркивавшего негативные аспекты этого возраста¹.

Стоит согласиться с автором в том, что, действительно, психическое (шире – социально-психологическое) развитие молодежи играет ключевую роль в обозначенных нами процессах. Однако психологический редукционизм с методологической точки зрения не выглядит сегодня выигрышной позицией. Более того, исследователи все чаще обращают внимание именно на широкий социальный контекст, где развиваются психические и психологические реакции молодежи на внешние и внутренние раздражители.

В свою очередь, по мнению Р. Бенедикт, в индустриальном обществе подростковый и юношеский периоды становятся периодами конфликтов и потрясений, поскольку социальные институты и нормы воспитания не облегчают индивиду его переход к взрослому состоянию, а затрудняют его. Инфантилизм и неподготовленность к роли взрослого, конфликты и психологические нарушения личности – это результат, достигаемый современным воспитанием².

Данный подход, напротив, апеллирует к процессам социальной динамики на макроуровне социальной реальности, затрагивая и цивилизационную составляющую, растворенную в исторических процессах. Вне всякого сомнения, молодое поколение всегда играло важную роль в данных процессах, однако в зависимости от уровня развития социума эта роль существенным образом меняла свое содержание. Этот факт также необходимо учитывать в социологическом анализе.

Ю.А. Зубок в аспекте анализа социального развития отмечает «целостный процесс качественных изменений сущностных характеристик этой социально-демографической группы, который ведет к воспроизводству молодым поколением социальной структуры и ее обновлению. Социальное регулирование данного процесса обеспечивается путем формирования общественно значимых критериев развития, а также посредством выработки социальными

¹ Луков В.А. Теории молодежи: пути развития (начало) // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3. С. 70–82.

² Benedict R. *The Chrysanthemum and the Sword, Palterns of Japanese Culture*. Boston: Houghton, Mifflin Company, 1946.

институтами нормативных требований, получающих воплощение в государственной молодежной политике»¹.

По мнению Н.Л. Смакотиной, социальное развитие молодежи представляет собой сложный социальный процесс, имеющий характер фундаментальной проблемы. В самом первом и общем приближении эта проблема есть осознание исчерпанности ресурсов прошлого, прошлых подходов к освоению реальности и необходимости ответа на вызов будущего, вызов истории².

Становится очевидным, что социальное развитие – институциональный процесс, разворачивающийся на стыке нескольких социальных институтов – как первичных, так и вторичных. В настоящее время сложно ожидать какой-либо стабильности, предсказуемости от социального развития молодежи, так как имеет место непосредственное комплексное воздействие нескольких факторов.

По мнению исследователей, «социальное развитие молодежи играет ключевую роль в структуре процесса преемственности и смены поколений. Однако данный процесс весьма вариативен, его протекание зависит от ряда факторов внешней среды, в которой происходит социальное взросление молодежи. Неустойчивость социального положения молодежи, явные и латентные риски могут привести к дезорганизации процесса социального развития молодежи»³.

Особенности социального развития молодежи в эпоху позднего индустриального и постиндустриального общества описал К. Левин. По его убеждению, в подростковый и юношеский периоды «происходит расширение жизненного пространства как в географическом смысле (интерес к путешествиям и т. п.), так и в смысле расширения социального окружения (больше количество групп, куда включен подросток и юноша, появление у него интереса к литературе, политике, экономике и т. д.). Но самая существенная трансформация жизненного пространства происходит во временном

¹ Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М., 2007.

² Смакотина Н.Л. Социальное развитие молодежи в России: концептуальная модель анализа // Глобализация и социальные изменения: материалы науч. конф. М., 2006.

³ Жаданов А.Ю. Социальное развитие российской молодежи в структуре процесса преемственности и смены поколений // Общество и право. 2012. № 5. С. 291–295.

измерении. Впервые появляется будущее как психологическая детерминанта личности»¹.

Центральным содержанием социального развития выступает активное освоение социокультурного пространства всеми акторами данного процесса. Это вполне соответствует характеру и содержанию социального развития, особенно на микроуровне. Х.Н. Садыкова полагает, что «в периоды трансформаций характер культурной трансмиссии меняется, происходит ослабление традиционных связей между поколениями, что может привести к разрыву межпоколенных связей, утрате преемственности поколений»².

Ситуация обостряется именно в периоды активных трансформационных процессов, когда связи между поколениями в силу объективных причин оказываются предельно обострены. Жизненный, в том числе духовно-нравственный, опыт старших поколений оказывается невостребованным молодежью, прежде всего, по утилитарным причинам. Однако зачастую данная ситуация драматизируется именно в контексте конфликта поколений, «протестного» потенциала молодежи против взрослой возрастной когорты.

Процесс социального развития ведет подростков от ограниченных ролей детства к более широким ролям взрослости. Для молодежи этот переход включает в себя расширение своего социального круга и расширение спектра выполняемых ролей.

Расширение социального круга. Маленькие дети в основном проводят время со своей семьей. Их круг общения немного расширяется по мере поступления в школу. К тому времени, когда они достигают подросткового возраста, их круг общения также может включать людей из командных видов спорта, студенческих организаций, рабочих мест и других видов деятельности. По мере расширения круга общения подростки все меньше времени проводят со своими семьями и могут уделять больше внимания своим сверстникам. Молодые люди также развивают большую способность к формированию более прочных отношений со взрослыми вне своих семей, которые могут выполнять функции наставников.

Расширение спектра выполняемых социальных ролей. Изменения, которые подростки испытывают в своем теле, эмоциональ-

¹ Lewin K. The field theory approach to adolescence the Boor of Reading. N. Y., 1960.

² Садыкова Х.Н. Указ. соч. С. 3.

ной сфере, заставляют их брать на себя более сложные социальные роли. Когнитивное и эмоциональное развитие происходит одновременно, помогая подросткам глубже общаться и лучше выражать свои эмоции. Физическое развитие сигнализирует о том, что подростки становятся взрослыми и что на них может быть возложена большая ответственность. Подростки могут взять на себя новые роли, например, занять руководящую должность в школе, команде или церкви¹.

Следует отметить, что по мере становления высшей психики подростков процесс их социализации существенным образом меняется. Они все активнее интегрируются в духовную сферу общества, испытывают не только социальные, но и духовные потребности. Молодежь осваивает и усваивает религиозные, моральные, правовые нормы, знакомится с традициями, обычаями своего народа. Этот опыт сложно переоценить именно в процессе становления личности.

В связи с этим целесообразно отметить, что создание новых связей и установление идентичности вне контекста семьи являются нормальной частью здорового развития. Взаимодействие с людьми вне семейного круга может научить подростков поддерживать социальные отношения в различных контекстах и определять роли, которые они могут играть в более широком сообществе. Тем не менее важно помнить, что подростки будут нуждаться в поддержке старшего поколения. Участие в ролевых играх и репетициях стратегий, смоделированных сверстниками и взрослыми наставниками, может помочь подросткам практиковать навыки сотрудничества, общения, решения проблем и принятия решений, а также тактику противодействия давлению сверстников.

Одним из аспектов социального развития, способствующих созданию широкой социальной сети, является тенденция подростков лучше осознавать, что чувствуют другие люди. Способность сопереживать и ценить уникальные различия между людьми возрастает в подростковом периоде. Подростки часто учатся принимать во внимание чувства других людей, проявлять сострадание к окружающим, активно слушать и интерпретировать невербальные

¹ URL: <https://www.hhs.gov/ash/oah/adolescent-development/explained/social/index.html> (дата обращения: 11.03.2020).

сигналы. Хотя молодежь обычно начинает проявлять некоторые сложные эмоции в раннем возрасте, подростки начинают анализировать свои внутренние переживания и выражать свои эмоции вербально¹.

Существенной проблемой для объективного социологического анализа социального развития российской молодежи выступает система индикаторов, свидетельствующих об эффективности или, напротив, неэффективности данного процесса.

Исследователи в качестве одной из актуальных проблем социального развития российской молодежи видят «отсутствие ясных векторов социального развития молодежи в представлениях государственной власти. Средства массовой информации, культурная элита, политики, общественные и религиозные деятели не смогли сформировать действенных механизмов влияния гражданского общества на подрастающее поколение. Молодежи не объясняют, какой она должна стать через несколько лет, не задают ориентиров социального развития. В настоящее время не возникает ощущения, что проблема отсутствия ориентиров, целей социального развития российской молодежи успешно решена»².

Как указывает А.Ю. Жаданов, «изменение количественных и качественных характеристик в процессе становления молодежи в качестве субъекта общественного воспроизводства... может иметь деструктивные формы (дезинтеграция, социальное исключение), носить характер преемственности социального опыта, накопленного предшествующими поколениями (простое воспроизводство), и приобретать черты расширенного воспроизводства путем обновления условий жизнедеятельности и всей системы общественных отношений»³.

При социологическом исследовании социального развития молодежи важное значение имеет валидное использование термина «социальная ориентация», что позволяет адекватно отражать суть изучаемой проблемной ситуации. По мнению С.В. Чекушкина,

¹ URL: <https://www.hhs.gov/ash/oah/adolescent-development/explained/social/index.html> (дата обращения: 11.03.2020).

² Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. ... д-ра социол. наук. Краснодар, 2012.

³ Жаданов А.Ю. Социальное развитие российской молодежи в структуре процесса преемственности и смены поколений // Общество и право. 2012. № 5. С. 291–295.

социальная ориентация – это установка, направленность деятельности, линия жизни молодого поколения, процесс усвоения вступающим в жизнь индивидом определенной системы знаний, норм и общечеловеческих ценностей, определяющих его деятельность в качестве полноправного члена общества¹.

Именно система социальных установок во многом детерминирует характер и направленность процесса социального развития молодежи. Данный процесс вполне осознан, опирается на структуры высшей психики (в этом аспекте он субъективен), при этом во многом обусловлен объективно сложившимися обстоятельствами (экономическими, социальными, политическими, коммуникативными и т. д.). В ходе эмпирического социологического анализа особенностей социального развития молодежи важное значение имеет именно учет комплекса объективных и субъективных факторов. В связи с этим значительный гносеологический интерес представляют результаты проектов, проведенных зарубежными и отечественными исследователями.

Осуществленные зарубежными социологами эмпирические исследования показывают, что молодые люди полны энергии и идей и достаточно невежественны. Это невежество – добродетель в мире, полном опасностей, в котором люди всегда стараются продвинуться вперед. Это поколение может быть гораздо более эффективным, чем предыдущие. Здоровое уважение к авторитету старших, признательность за усилия, предпринятые прошлыми поколениями, далеко не всегда присутствуют у молодежи. Этот факт ученые трактуют по-разному.

В то же время у молодежи есть мощный потенциал, и они должны иметь достаточно социальной энергии и соответствующих установок, чтобы изменить старые идеи и способы деятельности и перенаправить общество на новый путь по мере замещения старших поколений подрастающими и входящими в социальную жизнь.

Молодой человек в развитой стране сегодня имеет гораздо больше возможностей контактировать с остальным миром. В то же время в большинстве случаев время молодости затянулось (феномен инфантилизма). Молодые люди сейчас тратят больше

¹ Чекушкин С.В. Указ. соч.

жизненного времени, чтобы найти работу, спутника жизни, завести детей или выяснить, что они хотят делать со своей жизнью¹.

Эмпирическое исследование, проведенное ВЦИОМ в 2019 г., показало, что набор ключевых качеств, присущих современной российской молодежи, остается неизменным на протяжении последних пяти лет. Россияне по-прежнему считают молодежь наиболее общительной (67% в 2019 г. и 72% в 2014 г.), спортивной (60% в 2019 г. и 54% в 2014 г.) и ориентированной на материальные ценности частью населения (82% в 2019 г. и 75% в 2014 г.). При этом первые два качества чаще называют сами молодые люди (18–24 года) и 25–34-летние сограждане. Мнения о доминировании в молодежной среде установок на материальные ценности чаще придерживаются люди в возрасте от 35 до 44 лет². Однако исследование показало все же доминанту именно материальных ценностей и потребностей у молодежи, укоренившуюся в общественном мнении жителей России. Подобный вектор социального развития молодежи является резонансным для социума и вызывает широкий отклик у населения.

Согласно исследованию, проведенному Фондом «Общественное мнение», больше всего подростки дорожат хорошими отношениями в семье, эта ценность лидирует с большим отрывом. Для трети участников опроса ценно общение с друзьями и знакомыми, по четверти выбрали как самое важное для себя материальное благополучие, уважение окружающих, профессиональное развитие и хорошее самочувствие. Отношения с родителями у большинства подростков довольно тесные: в семье обсуждают домашние и личные планы, в четверти семей – книги и фильмы, в 9% семей вместе слушают музыку³.

Нынешняя молодежь способна воспринять те ценности и моральные нормы, которые несет в себе старшее поколение россиян. По мнению ученых Института социологии РАН, в обществе зреет ощущение, что межпоколенческий «транзит» морально-нравственных основ вот-вот прервется, и с сегодняшних 18–20-летних начнется

¹ URL: <https://photos.state.gov/libraries/slovenia/231771/pdf/UN.pdf> (дата обращения: 14.03.2020).

² URL: <https://youngspace.ru/faq/vtsiom-issledovanie-molodezhi-2019> (дата обращения: 14.03.2020).

³ URL: <https://fom.ru/TSennosti/13317> (дата обращения: 14.03.2020).

чуть ли не новая «порода» россиян, лишенных стыда и совести. Это подтверждают и исследования Фонда «Общественное мнение». Их результаты показывают, что *главной жизненной ценностью для молодежи России является финансовое благополучие*, в то время как для *пожилых россиян главное – идеалы справедливости и мира*. Согласно проведенным исследованиям, у молодых людей в возрасте от 14 до 17 лет система ценностей ранжирована следующим образом: *семья, карьера, материальное благополучие*; в возрасте от 18 до 24 лет – *семья, материальное благополучие, любовь*. По данным Общественной палаты РФ, «18–25-летние молодые люди заметно отстают от старшего поколения по части включенности в морально-нравственный контекст жизни россиян, относясь ко многим вещам гораздо легче, без излишней рефлексии»¹.

Однако исследовательские проекты нередко приносят и весьма тревожную информацию. По результатам эмпирических исследований российской молодежи О.А. Нор-Аревян приходит к выводу о том, что молодые люди «в силу своей неопытности, незрелости, суггестивности не защищены от проявлений зла, насилия, жестокости, бескультурья, хамства, невежества. Большой «вклад» в популяризацию и распространение именно этих, отнюдь не лучших, проявлений среди молодежи вносят средства массовой информации, зачастую культивирующие акты насилия, агрессию, превосходство физической силы, героизацию преступников, вседозволенность и безнаказанность, неуважение к национальным, государственным, культурным и человеческим ценностям»².

Полученная исследователем информация объективно свидетельствует о том, что кризисное состояние духовной культуры (применительно к современному российскому обществу) обусловлено комплексным действием нескольких факторов, среди которых центральное место занимают масс-медиа и интернет. Они существенно изменяют характер социальной реальности, следствием чего становятся девиантные и порой даже делинквентные практики молодежи. Подобные негативные эффекты процесса социального

¹ Зеленков М.Ю. Социологический взгляд на проблемы современной российской молодежи // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 5. Ч. 2.

² Нор-Аревян О.А. Конфликтогенность взаимодействия поколений в условиях социальной трансформации российского общества: микросоциологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2003.

развития молодежи и ее интеграции во взрослую жизнь еще предстоит осмыслить научному сообществу.

Как отмечают зарубежные социологи молодежи, традиционные теории причинно-следственной связи делинквентности обычно не рассматривают делинквентность в контексте норм и возрастно-ролевых переходов, свойственных подростковому возрасту. Вместе с тем значимость норм и ролей, специфичных для подросткового возраста, не вызывает сомнений. Социализация является повторяющейся, в отличие от предпосылок относительно социализации, которые лежат в основе традиционных теорий подростковой девиантности. Рекуррентная модель социализации предполагает наличие возрастной аномии в качестве основы для совершения делинквентных деяний. Возрастная аномия проистекает из условий ненормальности, связанных с определенными ролевыми переходами в подростковом возрасте и темпом этих переходов. Кроме того, некоторые группы особенно подвержены аномальному возрастному переходу¹.

В числе наиболее опасных негативных эффектов социального развития молодежи исследователи указывают самоубийства, побеги из дома и последующее насилие над детьми, которые имеют общую связь с подростковой преступностью.

Вместе с тем, как показывают исследования, молодежь, отклоняющаяся от социальных норм, может повлиять на будущее общества. Малолетнее правонарушение может быть результатом множества факторов, однако исследователи зачастую обращают внимание на семью как особый социальный институт. Семья – это место, где дети в большинстве случаев впервые социализируются, поэтому отклоняющиеся от нормы подростки могут быть связаны с этой социальной структурой. Семья как институт – это отправная точка общества, его фундамент. Семья вносит свой вклад, обучая и давая рекомендации о том, как функционировать и вести себя в обществе. Семьи, испытывающие трудности, скорее всего, повлияют на поведение несовершеннолетнего. Дети, у которых может быть жестокий родитель, потенциально могут действовать так же, как и он, потому что это то, к чему они привыкли в своей семье. Особенно опасна ситуация, когда несовершеннолет-

¹ URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/BF01537174> (дата обращения: 11.03.2020).

ние участвуют в драке, потом записывают ее и загружают в интернет, а другие несовершеннолетние наблюдают за этими драками. Веб-сайты социальных сетей отягчают негативное поведение подростков, такая тенденция к онлайн-восприятию насильственных действий влияет на молодежь, в результате чего молодые люди могут стать делинквентными¹.

Таким образом, социальное развитие молодежи в современном постиндустриальном обществе обладает рядом уникальных характеристик, которые ранее не фиксировались социологической наукой. Объективные условия глобального информационного миропорядка нивелируют годами сложившиеся алгоритмы, закономерности процесса социального развития, придают ему новые векторы, которые не всегда оказываются функциональными по отношению к социальной системе в целом и ее ключевым социальным институтам.

Так, в XXI в. применительно к российскому обществу обострилась проблема инфантилизма молодежи в контексте существенных изменений процесса преемственности и смены поколений. Особую тревогу у ученых и представителей системы управления вызывает специфический тип инфантилизма, присущий именно российскому обществу. Здесь наблюдается разрыв между физическим развитием, зачастую ускоренным (так называемая акселерация молодежи, которая находит свое выражение в ранней половой жизни, рождении детей, абортах, курении, употреблении спиртного и т. п.), на фоне отстающего духовного развития, соответствующего скорее подростковому, чем молодежному возрасту, особенно в аспекте долга, чести, совести, внутреннего самоконтроля и т. п. Подобный феномен еще предстоит осмыслить российским социологам. Однако не вызывает сомнений тот факт, что данный эффект стал закономерным следствием трансформаций процесса социального развития российской молодежи, коренных изменений процесса преемственности и смены поколений. Молодежь продемонстрировала способность заместить старших в биологических, физических, но отнюдь не духовно-социальных аспектах. Безусловно, тенденция к инфантилизму характерна далеко не для всей

¹ URL: <https://www.123helpme.com/why-juveniles-deviate-from-social-norms-preview.asp?id=660114> (дата обращения: 14.03.2020).

российской молодежи, однако это знаковое явление свидетельствует об определенном кризисе процесса социального развития.

Тревожными эффектами трансформации процессов социального развития российской молодежи выступают девиации и деликты. Спектр факторов, детерминирующих подобное развитие событий, весьма широк. Однако отклоняющееся поведение молодежи в процессе социального развития, с одной стороны, соответствует социально-психологической, социально-статусной природе подрастающего поколения, для которого маргинальность становится неизбежным риском как в социально-профессиональном, так и в духовно-личностном аспектах. Именно нарастающая маргинальность, сложность интеграции подрастающего поколения в ключевые социальные структуры взрослого общества являются критически значимыми факторами, способствующими усилению рисков девиантного, а в ряде случаев и делинквентного поведения. Эта проблема является актуальной для российского общества начиная с 1990-х гг., однако она так и не нашла своего эффективного решения, прежде всего, системой государственного управления. Негативная динамика процесса преемственности и смены поколений угрожает нарастающей дезорганизацией, способной дестабилизировать основные институты и подсистемы российского общества.

3. Молодежный экстремизм в контексте дезорганизации процесса преемственности и смены поколений: эмпирический анализ

3.1. Методологические и методико-процедурные аспекты эмпирического анализа девиантной молодежи

Лица, демонстрирующие устойчивые отклонения от социальных норм, обычно включаемые исследователями в разряд девиантов, представляют собой весьма сложный объект социологического познания. Проблемную ситуацию детерминирует весьма широкая вариативность соционормативной системы общества, в которой различные виды и формы социальных норм обладают разным потенциалом воздействия на сознание и поведение людей. Интегральные элементы соционормативной системы подчас выглядят полярными по отношению к субъект-объектной среде своего существования. В частности, нормы морали, потенциал и значимость которых в социальной системе не подвергается сомнению, не обладают такими же широкими возможностями регуляции человеческого поведения, как юридические нормы (нормы права). Сила действия моральных норм напрямую зависит от состояния духовной культуры общества: в случае ее деформации, кризисного состояния, тенденций аномии или духовно-нравственного вакуума (Э. Дюркгейм, Р. Мертон) моральные нормы существенно ограничивают либо полностью утрачивают свое влияние в социальной системе. Нормы права, в свою очередь, поддерживаемые силой принуждения государства, безусловно, обладают значительным потенциалом регуляции поведения, однако духовное или физическое насилие, стоящее за данными нормами и сопровождающее их функционирование в социуме, фактически продуцирует эксплицитное или имплицитное состояние конфликта между личностью, с одной стороны, и обществом, с другой. На эту проблему в свое время обратили внимание такие классики научной мысли, как З. Фрейд, К.-Г. Юнг, Э. Фромм, Г. Маркузе и др. Возможно, эти исследователи излишне драматизировали проблему противостояния личности и социальной системы, однако нельзя отрицать наличие существенных противоречий между социальными

потребностями, ожиданиями, установками отдельной личности и общества. В последние столетия уровень регламентации социума значительно усложнился, одновременно усложнилась и диверсифицировалась социально-стратификационная система. Результатом происходящих изменений стало предельное усложнение системы соционормативного регулирования. Как следствие, данная система просто «перегрузила» личности, социальные группы и общности. Постепенно социальные нормы утрачивают эффективность как средство добровольного и осознанного сотрудничества людей во имя целей общественного прогресса и процветания. Для российского общества ситуация осложняется еще и тем, что субъективная, во многом эгоцентричная, полистилистическая духовная культура продуцирует рост девиантного поведения. Во многих случаях россияне, нарушая социальные нормы, таким образом самоутверждаются, демонстрируют свое «я» (чего стоят надписи на автомобилях вроде «Мне плевать на всех, гоняю, как хочу», «Моя жизнь – мои правила» и т. п.). Проблемная ситуация, описанная нами, выходит далеко за привычные границы схемы «хороший член общества – плохой член общества».

И.М. Ильинский анализировал специфику социального положения молодежи в современном российском обществе, ее включенность в воспитательный, социализационный процесс. По мнению И.М. Ильинского, «два ведущих качества личности современной молодежи – ярко выраженный индивидуализм и эгоизм. Эгоизм и индивидуализм посредственного, невежественного человека – это, как правило, зло. Тем более если рядом с ними соседствуют такие качества, как злость, жадность, лень, равнодушие, агрессивность. Если соединить «ярко выраженную индивидуальность» с «ярко выраженным эгоизмом» с названными отрицательными качествами, которые только что перечислены, в одном человеке, мы получим тип человека, который должен находиться под подозрением и, если хотите, под наблюдением. Ибо от такого рода личности невероятно ждать добрых поступков – напротив, надо ждать авантюры, агрессии и любых самых жестоких действий ради достижения своих целей»¹.

¹ Ильинский И.М. Воспитание в индивидуализированном обществе // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 3–8.

Спецификой современного общества выступает то, что между молодежью и взрослыми подчас возникает полное взаимонепонимание, которое ведет к агрессивным, неконструктивным действиям с той и с другой стороны. Борьба с проявлениями молодежной девиации – это борьба со следствиями, а никак не с причинами этих, безусловно, общественно опасных явлений.

Эмпирический анализ молодежи как особой социально-демографической группы представляет собой достаточно сложную задачу. Эмпирическая социология на современном этапе своего развития не обладает достаточным арсеналом методов и методик, способных значительно повысить ее эффективность применительно к анализу молодежных проблем. Стоит отметить, что подавляющая доля первичной социологической информации в современном обществе «добывается» при помощи опросных методов – самых популярных среди практикующих социологов. В настоящее время существуют десятки разновидностей опросных методик с применением как количественной, так и качественной методологии. Между тем опросные методы – весьма тонкий инструмент познания социальной реальности.

С одной стороны, опросные методы характеризуются несомненными достоинствами, вытекающими из методико-процедурной специфики. Опрос основывается на высказываниях отдельных лиц и проводится с целью выявления различных нюансов мнения опрашиваемых (респондентов) как важного источника информации о реально существующих фактах действительности.

Целью опросов является сбор информации о явлениях индивидуального или группового, массового или общественного сознания либо об объективных фактах, событиях, процессах. Методом опроса можно получить такую информацию, которая не всегда отражается в документальных источниках, не всегда доступна прямому наблюдению. Опрос позволяет выявить информацию о мотивах, внутренних побуждениях, интересах и т. п. и в этом плане часто бывает незаменимым¹.

Однако опросные методы характеризуются и некоторыми недостатками. Детальный анализ подобной специфики опросных

¹ Куликов Е.М., Кубякин Е.О. Методология, методика и техника эмпирических социологических исследований. Краснодар, 2010. С. 119.

методов был осуществлен В.Г. Немировским. По мнению исследователя, любой опрос сталкивается с рядом трудностей, которые определяют границы его познавательных возможностей. Во-первых, человек не всегда понимает, что у него пытаются узнать исследователь. Во-вторых, даже поняв вопрос правильно, он может не захотеть дать соответствующий ответ, например, потому что стесняется или хочет казаться лучше, чем есть на самом деле. В-третьих, мечтая дать максимально правильный ответ, он может просто не осознавать мотивы собственного поведения, о которых пытается узнать социолог¹.

Слабые места опросных методов были продемонстрированы парадоксом Лапьера и эффектом Хоторна, или хоторнским эффектом. Суть парадокса Лапьера заключается в следующем. Американский социальный психолог разослал письма в гостиницы некоторых штатов Юга США, в которых интересовался, может ли он остановиться у них вместе со своими учениками-китайцами. В большинстве ответов было сказано, что постояльцами могут быть только белые. Однако когда автор писем вместе с ассистентами-азиатами приходил в каждую из гостиниц, в большинстве из них постояльцы были приняты с распростертыми объятиями.

Эффект Хоторна был описан в результате следующего эксперимента. Прохожих в крупном американском городе спрашивали, какую книгу они хотели бы прочитать. Наиболее распространенными ответами были: Библия, классика, познавательная литература. Затем перед человеком раскрывали кейс и просили выбрать себе любую книгу в подарок в качестве благодарности за сотрудничество. Большинство выбирали бульварные романы или детективы².

Становится очевидным, что применение опросных методов для исследования девиантной молодежи, с одной стороны, позволяет получить первичную информацию о нюансах, оттенках мнений и оценок этой особой социальной группы. С другой стороны, необходимо принимать во внимание тяжесть установления и поддержания контакта с девиантами. Качество и достоверность информации, получаемой от девиантной молодежи, ставится под сомнение по причине потенциальной лживости, свойственной деви-

¹ Немировский В.Г. Общая социология. Ростов н/Д., 2004. С. 12–13.

² Там же. С. 12–13.

антам, и отсутствия у данной социальной группы мотивации к искреннему альтруистическому общению с социологом во имя развития социума.

Молодежь, включенная в девиантные практики, – очень своеобразный объект исследования. Учитывая тот факт, что девиация предполагает, прежде всего, выход за пределы морально-нравственного регулирования социальной системы, вполне закономерным выглядит отсутствие каких-либо гарантий, что респонденты были откровенны с социологом, не давали социально приемлемые ответы. Стоит отметить, что сознание и психика девиантной молодежи многократно усиливают вероятность лживых, не соответствующих реальным личностным установкам ответов.

Кроме того, целесообразно обратить внимание на опасность для социолога-исследователя срачивания с исследуемой средой. Еще в начале XX в. основоположник социологии модерна М. Вебер, отрицая многие положения классической социологии, обратил внимание на то, что социолог-исследователь оказывает существенное влияние как на процесс познания объекта (теоретического и особенно прикладного), так и на последующую интерпретацию полученных данных. М. Вебер обращает внимание на феномен «идеальных типов» – абстрактных научных конструкций, представляющих собой некое упрощение, образ-схему, а не объективно существующую (существовавшую) социокультурную реальность, поскольку они не имеют прямого аналога в реальной истории культуры. Идеальная типизация позволяла упорядочивать эмпирический материал, поставляемый конкретными исследованиями, и использовалась М. Вебером для исследования причин и характера отклонения реальных культурных типов от идеальных.

М. Вебер считал, что, несмотря на заведомую утопичность мыслительных конструкций, образующих идеальные типы, они представляют собой важнейшие научные абстракции, делающие возможным изучение множества явлений культуры на количественной основе. Идеальный тип – это теоретическая конструкция, полученная в результате акцентирования, усиления, логического связывания феноменов, встречающихся в различные эпохи в разных культурах¹.

¹ Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М., 1990.

Именно субъективные установки социолога, особенности взаимодействия с изучаемой средой в значительной мере оказывают влияние на получаемые результаты, не говоря уже об их интерпретации.

За прошедшее столетие претерпели изменения и методологические установки социологов относительно процесса эмпирического познания. В социологии начала XXI в. наблюдается методологический плюрализм, заключающийся в отказе от какой-либо доминирующей научной концепции, проявляющийся в попытках интеграции различных методологических и методико-процедурных платформ.

В современной эмпирической социологии как следствие отмеченных тенденций имеет место симбиоз количественных и качественных методов. Это находит свое отражение и в изучении девиантной молодежи.

Как указывают исследователи, количественные и качественные методы представляют собой два противоположных полюса в исследовательской стратегии, призванных дополнять друг друга в ходе проведения социологических исследований для достижения оптимального результата. В результате проведения качественных исследований получают углубленную нечисловую информацию, а в результате количественных – объемную числовую информацию, которая является статистически надежной и распространяемой на генеральную совокупность. Количественные социологические исследования являются разновидностью исследований, в основании которых лежит математическая теория вероятности¹.

По мнению С.А. Белановского, количественные и качественные традиции возникли практически одновременно. Как известно, первой крупной эмпирической работой, выполненной с позиций качественного подхода, принято считать работу французского исследователя Ф. Ле Пле, составившего монографическое описание трехсот семей, принадлежащих к различным слоям общества. Основными методами сбора информации были личные наблюдения и интервью. Книга Ф. Ле Пле «Европейские рабочие» вышла в свет в 1855 г. Работа А. Кетле «Опыт социальной физики», положившая начало использованию эмпирических количественных

¹ Куликов Е.М., Кубякин Е.О. Указ. соч. С. 48–52.

данных для установления закономерностей социальных явлений, была издана двадцатью годами раньше, в 1835 г.¹

Необходимо отметить, что и количественные, и качественные методы имеют свои слабые места, ограничения в применении. Этот аспект должен учитываться в практике организации эмпирического социологического исследования еще на этапе планирования.

Количественные методы были подвергнуты критике прежде всего из методологических соображений. Социологи разочаровались в способности макросоциологических теорий должным образом объяснить человеческую сущность социальных явлений и процессов. Чаще всего отмечаются следующие недостатки количественных методов.

1. Высокая степень формализации, характерная для количественных исследований, приводит к «диктату» исследователя над респондентами, изучаемой ситуацией. Социолог чаще всего самостоятельно решает, что представляет интерес для исследования, какие варианты ответов стоит использовать. В такой ситуации существует риск предопределенности получаемых данных мыслительной активностью самого социолога.

2. Количественным исследованиям свойственна определенная поверхностность анализа. Объясняется это спецификой количественного инструментария, процедурой исследования. Необходимость формализации данных, их статистической обработки диктует потребность, например, в отказе от цепи сложных причинно-следственных вопросов, что нивелирует глубину социологического анализа проблемы².

Однако и качественные методы исследований имеют свои недостатки. Перечислим основные из них.

1. Серьезное ограничение возможностей обобщения. Фактически уверенно обобщить результаты качественного исследования можно только на участниках этого исследования. Нет уверенности, что небольшой круг лиц, привлеченных к участию в исследовании, каким-либо образом репрезентативен для более широкой совокупности, из которой они были извлечены. С учетом данного ограничения результаты качественного исследования стоит

¹ Белановский С.А. Индивидуальное глубокое интервью. М., 1993.

² Дэвис Дж. Исследования в рекламной деятельности: теория и практика / пер. с англ. М., 2003. С. 184–185.

расценивать скорее как указание на существование некоторой тенденции, чем как установленный факт.

2. Маленькие размеры выборки, используемой в качественном исследовании, не обеспечивают возможности количественного описания результатов, поэтому если необходимо иметь количественное описание характеристик генеральной совокупности, не следует прибегать к проведению качественного исследования.

3. Интерпретация данных качественного исследования в большей мере субъективна, чем интерпретация количественных данных, поскольку в основе первых лежат комментарии и словесные ответы, а не количественные оценки или ранжирования¹.

Именно в силу вышеизложенных проблемных аспектов в настоящее время наблюдается симбиоз количественных и качественных методов в эмпирической социологии. Однако, безусловно, одновременное применение двух методологических конструктов требует большой осторожности, опыта и высокого уровня научной и исследовательской квалификации.

Современная система социологического знания предъявляет повышенные требования к качеству, надежности социологической информации, ее целостности, объективности, валидности. Надежность результатов социологического исследования зависит от качества проведения всех его стадий (разработки программы исследования и отбора инструментария, сбора информации, отбора и анализа данных). В социологической литературе понятие качества употребляется обычно в прикладной интерпретации – как достоинство, ценность (высокое качество)².

Под социологической информацией подразумевается информация о социальных явлениях и процессах, полученная с помощью прикладных социологических исследований. Одна из особенностей социологической информации состоит в том, что она отражает с той или иной степенью конкретности поведение и сознание людей, объединенных в разнообразные социальные группы³.

¹ Куликов Е.М., Кубякин Е.О. Указ. соч. С. 61.

² Паниотто В.И. Качество социологической информации (методы оценки и процедуры обеспечения). Киев, 1986.

³ Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М., 2006.

Искажения в описании социальных фактов влекут за собой весьма пагубные последствия. Помимо утраты возможности достижения цели, т. е. поиска путей решения социальных проблем, возникает еще более опасная ситуация: актуализируется вопрос надежности социологического исследования как средства диагностики происходящих в обществе процессов.

Таким образом, анализ методологических и методико-процедурных аспектов эмпирического анализа девиантной молодежи показывает, что существует ряд факторов, которые оказывают непосредственное и весьма серьезное влияние на научно-информационное освещение девиантной проблематики. Несмотря на то, что социологическая наука, по мнению ее основателя О. Конта, перманентно нацелена на социально-диагностические и социально-инженерные процедуры, на практике часто происходит по-иному. Современная социология девиантного поведения нередко выглядит излишне теоретизированной, оторванной от реальности. Между тем именно в условиях масштабных и глубоких трансформаций современного российского общества реальность изменяется довольно быстро. Вследствие этого многие явления, процессы, феномены приобретают новые, ранее не известные черты, резко снижая эвристический потенциал социологического исследования. Выходом из создавшегося затруднительного положения может стать перенос акцентов на эмпирический, прикладной уровень научного познания девиантного поведения.

Однако и конкретный уровень социологического познания девиантного поведения сталкивается с рядом существенных проблем. Особенно остро эти проблемы проявляются в среде молодых девиантов. Это очень сложный объект эмпирического познания. Методы прямого сбора первичной информации с носителя проблемы могут быть поставлены под сомнение его особым социальным и социокультурным статусом. Сомнения в честности, правдивости, неангажированности мнений девиантной молодежи весьма существенны. Ситуация осложняется тем, что классические инструменты повышения надежности, достоверности, валидности информации в данном случае практически не работают. В свою очередь, методы косвенного сбора первичной информации (экспертные оценки, анализ документов и т. п.) в ряде случаев

оказываются неспособными обеспечить «эвристический прорыв», к которому так стремятся социологи-исследователи.

Вместе с тем динамичное, трансформирующееся общество детерминирует ситуацию, когда перед социологом оказываются и меняющиеся, нестабильные индикаторы девиации. Вследствие этого значительно осложняется эмпирическая оценка проблемы девиантной молодежи. В еще более тяжелой ситуации оказываются социологи, настроенные на социально-инженерный, социально-управленческий анализ. Попытки выработать рекомендации, создать управленческие алгоритмы, стандартные модели реагирования, опирающиеся на комплекс эмпирических и прикладных социологических исследований, зачастую оказываются безрезультатными. В данном случае социология оказывается не в состоянии установить эффективную обратную связь с управляемым объектом вследствие генерации социумом риска и неопределенности. Фактически возникает некий внешний контекст социальных явлений, процессов, который оказывается сложно постижим научными инструментами и, как следствие, крайне сложно поддается прогнозированию и управлению. Отмеченные нами проблемы диктуют необходимость консолидации усилий науки и практики для решения методологических и методико-процедурных проблем эмпирического анализа девиантной молодежи, обладающего высоким потенциалом в современном российском обществе, но в данный момент слабо реализуемом в силу объективных обстоятельств.

3.2. Основные направления организации социологического мониторинга индикаторов молодежного экстремизма в процессе преемственности и смены поколений

В процессе противодействия экстремизму важна координация усилий не только системы правоохранительных органов, но и структур государственного управления различных уровней. Для достижения подлинной эффективности в данной ситуации необходимы согласованные действия, обладающие соответствующим верификационным потенциалом на уровне научного познания (особенно эмпирическом). Еще большую проблему представляет не противодействие, а профилактика молодежного экстремизма.

Здесь необходим весьма серьезный вклад социологической науки в систему рекомендаций для управленческих структур, а также широкого круга лиц, выступающих прямыми или косвенными носителями проблемной ситуации.

С учетом развития информационно-компьютерных технологий и интернета сфера распространения радикальных политических, духовных, социальных установок подрастающего поколения существенным образом расширяется. Если в 1990-х гг. инструментами воздействия в этом направлении были дружеские компании, а также печатные СМИ, самиздат, листовки и т. п., то в XXI в. все эти средства и способы коммуникации успешно интегрировались в интернет-среду, виртуализировались, вследствие чего их потенциал воздействия, а также аудитория существенно увеличились. Данная тенденция отчетливо наблюдалась в 2010-е гг., когда высокий уровень погруженности молодого поколения в виртуальную среду проявлялся не только в Москве, Санкт-Петербурге, но и в десятках других крупных городов России. При этом грань между условными «столицей» и «провинцией», мегаполисом и деревней с каждым годом все сильнее стирается, так как виртуальные личности, в отличие от реальных, уже не имеют жесткой географической (шире – пространственно-временной) локализации. Однако виртуализация социальных явлений, процессов значительно осложняет их эмпирический анализ, повышает требования к программе и инструментарию исследования, выводит на новый уровень «полевую» работу.

Создавшаяся объективная социальная обстановка в российском обществе XXI в. значительно повысила требования к качеству проводимого социологического анализа на эмпирическом уровне, так как в целях профилактики молодежного экстремизма необходимо не только выявлять индикаторы экстремизма, но и четко отличать их от индикаторов радикализма, особенно радикализма сознания и пр. Более сложная задача заключается в том, чтобы анализировать более глубинный и скрытый от посторонних духовно-нравственный профиль личности – мировоззрение, идеалы, ценности, моральные принципы, мироощущение и пр. Как известно, существует тесная взаимосвязь между глубинными социокультурными элементами системы координат личности и их внешними проявлениями. В данном случае радикализм сознания, а

тем более экстремизм, в том числе находящий свое выражение в зафиксированных в нормативных правовых актах соответствующих деяниях, представляют собой именно следствие обозначенной проблемы.

Становится очевидным, что гносеологическая проблемная ситуация, связанная с адекватной, валидной оценкой индикаторов распространенности молодежного экстремизма в российском обществе, предполагает в качестве решения применение неординарных подходов. Именно поэтому одно из существенных мест в арсенале современного практикующего социолога занимает мониторинг (мониторинговые исследования). Как отмечают ученые, социологический мониторинг представляет собой «системно организованную совокупность регулярно повторяющихся исследований, цель которых состоит в научно-информационной поддержке заинтересованных учреждений в реализации социальных программ»¹.

Исследователи указывают, что мониторинговые исследования – это система непрерывного получения, обработки, анализа и синтеза первичной информации о тех или иных социальных явлениях и процессах. Мониторинговые исследования предполагают постоянное отслеживание социальных параметров и индикаторов, осуществляются через небольшие промежутки времени. И.В. Бестужев-Лада считает мониторинг средством обеспечения эффективного функционирования системы прогнозирования. В идеале прогноз должен быть непрерывным. Самым простым, дешевым и эффективным способом решения такой задачи выступает периодический опрос экспертов, с помощью которого учитывается изменяющаяся ситуация².

С точки зрения Е.А. Кечиной, «мониторинг как тип социального исследования получает все большее распространение применительно к различным сферам общественной жизни, позволяя получить моментальную картину изучаемых процессов и определить динамику этих процессов. Данные, получаемые в ходе исследования, могут служить для оценки изучаемой ситуации и образуют информационную основу для принятия управленческих решений.

¹ Шадрина Л.Ю. Социологический мониторинг как средство информационного сопровождения оценки эффективности социальных технологий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 126. С. 320.

² Куликов Е.М., Кубякин Е.О. Указ. соч. С. 37–39.

Другими словами, мониторинг обязательно должен включать анализ данных и оценку изучаемых процессов и явлений»¹.

Мониторинг в системе социологических исследований, по мнению Л.Ю. Шадринной, «является качественно необходимой составляющей получения информации о протекании тех или иных процессов, помогает выявить их возможные трансформации с тем, чтобы вовремя предотвратить их возможные нежелательные последствия. Мониторинг является актуальным методом познания»².

Мониторинговое исследование, осуществляемое в динамичном обществе начала XXI в., требует комплексного учета различных факторов – политических, экономических, социальных, духовных. Подобный ракурс анализа невозможен в рамках какой-либо общественной науки, именно поэтому все чаще осуществляются междисциплинарные изыскания. Как указывает Е.А. Кечина, «ни одно мониторинговое исследование не может оставаться в рамках какого-либо одного типа информационного ресурса, не теряя при этом в своем качестве. Так, социологический мониторинг будет неполным без учета и анализа соответствующих данных социально-экономической статистики, а статистика нуждается в данных социологических исследований для углубления качественной составляющей своих результатов и т. д. Многомерность социальных объектов и многовариантность проявления социальных феноменов, сложный характер социальных взаимодействий ставят перед исследователем задачу синтеза информационных ресурсов различных наук и разработки методов комплексного анализа их объектов»³.

Таким образом, социологический мониторинг соответствует вызовам современности, специфическим конструкциям тех проблемных ситуаций, на решение которых он оказывается направлен. В связи с этим отнюдь не случайным выглядит то обстоятельство, что ведущие российские исследовательские центры на протяжении длительного периода времени реализуют мониторинговые проекты. Так, компания ВЦИОМ проводит мониторинговые

¹ Кечина Е.А. Социолого-статистический мониторинг в контексте взаимодействия социологии и статистики: понятие и структура // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 3. С. 136–150.

² Шадринная Л.Ю. Указ. соч. С. 321.

³ Кечина Е.А. Указ. соч. С. 136–150.

изыскания, направленные на социологическое обеспечение деятельности глав муниципальных образований. В ходе подобной работы социологи осуществляют оценку деятельности муниципальных органов власти, изучение социального самочувствия населения, анализ проблемного поля муниципального образования, оценку деятельности муниципальных властей по предоставлению бюджетных услуг населению, выявление отношения к реализации социальных проектов и программ на территории муниципального образования, изучение форм и интенсивности вовлеченности различных групп граждан в социально-экономические преобразования¹.

Следует отметить, что в арсенале современной эмпирической социологии существует множество методических приемов и подходов, позволяющих в своей совокупности осуществить на высокопрофессиональном уровне мониторинговое исследование. В связи с этим уместно указать на широкий круг как количественных, так и качественных методов, методик и техник, а также элементов математического и статистического анализа, образующих системное целостное, ориентированное на эффективное практическое познание. Конечно, следует принимать во внимание то обстоятельство, что именно социологический мониторинг направлен на получение репрезентативной, статистически значимой информации, а потому неизбежно тяготеет к математико-статистическим методам сбора и обработки информации.

Социологический мониторинг обладает очевидными достоинствами как с научной, так и с практической, управленческой стороны. Для организации социологического мониторинга необходима детально продуманная, объективно обоснованная репрезентативная выборка. Это объясняется тем, что в основе мониторингового исследования лежит именно количественная, статистически значимая социальная информация. Выводы данного исследования закономерно распространяются на всю генеральную совокупность: общество в целом, большие социальные группы, функционирующие социальные институты и т. п. Построение репрезентативной выборки в случае исследования проблематики молодежного экстремизма также весьма сложно и требует высокой исследовательской квалификации. Качественный анализ в случае

¹ URL: <https://wciom.ru/index.php?id=131> (дата обращения: 12.09.2018).

организации и проведения мониторингового исследования необходимо:

для более глубокой и подробной информации о социокультурных, духовно-нравственных особенностях каких-либо слоев, групп, общностей, субкультур и т. п., выступающих объектом количественного мониторингового исследования;

для верификации данных количественного анализа в пределах «покрытия» эвристических возможностей качественных методов;

для проверки возникающих по ходу мониторингового исследования рабочих гипотез в пределах валидности качественных методов, методик и техник.

Становится очевидным, что для успеха количественного мониторингового исследования необходима тщательная разработка индикаторов поиска, в данном случае – молодежного экстремизма. Однако именно содержание индикаторов экстремизма представляет серьезную проблему для практического социолога, задачей которого выступает организация и проведение мониторингового исследования. Следует указать, что именно экстремизм подрастающего поколения, а также сфера его распространения являются одними из наиболее неопределенных, неоднозначных, противоречивых для социологической науки.

Необходимо отметить, что со времени принятия Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» ни законодатель, ни система исполнительной власти, ни научное сообщество не смогли прийти к консенсусу не только по поводу ключевого понятия «молодежный экстремизм», но и по поводу исчерпывающего перечня признаков, которые бы четко отграничивали экстремизм от других явлений, прежде всего, радикализма. Значительное число научных публикаций лишь усиливают существующую неопределенность, совершенно не способствуют формированию какой-либо общей линии по данной проблематике.

Например, по мнению В.И. Власова, экстремизм – это «негативное явление, исходящее из крайних взглядов, приверженности крайним мерам, проявляющееся в деятельности радикальных субъектов по планированию, организации, подготовке и совершению запрещенных законом общественно опасных действий или в деяниях аморальных, совершаемых с политическими, националистическими

целями или на почве расовой, религиозной вражды (ненависти)»¹. Классик отечественной социологии молодежи В.Т. Лисовский определяет экстремизм как «особую форму отчуждения и, прежде всего, отчуждения от общечеловеческих, общекультурных ценностей»². Существует и множество других определений данного понятия.

Очевидно, что в социологической литературе представлено множество определений, концепций, теорий, моделей молодежного экстремизма, каждая из которых отличается уникальностью, однако возникает размытая картина социальной реальности. К сожалению, за много лет научной и социально-управленческой активности так и не был достигнут консенсус в понимании проблематики молодежного экстремизма, что закономерно отразилось на состоянии проблемной ситуации.

В частности, в настоящее время дискурс молодежного экстремизма по-прежнему формируется нормативно-правовым полем. Согласно Федеральному закону от 25.07.2002 № 114-ФЗ существуют следующие индикаторы экстремистской деятельности: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо

¹ Власов В.И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика. М., 2008. С. 8.

² Лисовский В.Т. Социология молодежи. М., 2006.

угрозой его применения; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, занимающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации; финансирование экстремистских деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг¹.

Анализ нормативно-правового понимания молодежного экстремизма позволяет отметить, что спектр его индикаторов оказался предельно широк, что практически поставило под сомнение валидное вычленение индикаторов для последующего их включения в инструментарий социологического мониторингового исследования. Использование частичных признаков, выделение одних и игнорирование других фактически приводят к достаточно серьезному нарушению методологических и методико-процедурных основ эмпирического анализа.

Особую обеспокоенность вызывают действия федерального законодателя, который начиная с 2002 г. не смог внести ясность в текст Закона, убрать из него двусмысленные, политизированные формулировки. Более того, несмотря на то, что указанный Федеральный закон активно используется противоборствующими политическими силами для достижения собственных целей, не были предприняты попытки исправления или оптимизации сложившейся ситуации. В этих условиях у части населения закономерно возникли предубеждения как по отношению к усилиям государства по противодействию экстремизму, так и по отношению к представителям

¹ О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (в ред. от 29.04.2008) // Рос. газ. 2002. № 138–139.

государственной власти, в том числе социологам, которые пытаются узнать мнение людей по данной проблеме.

Данное положение значительно затрудняет работу практического социолога, который вынужден либо пользоваться нормативно-правовыми индикаторами экстремизма, вызывающими острые дискуссии в российском обществе и, как минимум, неоднозначно воспринимающимися компетентными специалистами (экспертами, правозащитниками, журналистами, общественными деятелями и политиками). Соответственно, российский социум до сих пор пребывает в состоянии неопределенности по поводу глубины, остроты, степени распространенности угрозы экстремизма и т. д. Системно организованное мониторинговое социологическое исследование призвано преодолеть данный гносеологический вакуум.

Следует отметить, что в современной социологической науке наблюдается еще одно противоречие, существенно затрудняющее объективную оценку проявлений индикаторов молодежного экстремизма. С одной стороны, присутствует множество статически корректных документов, связанных с деятельностью административно-управленческих структур российской власти. Здесь имеет место определенный «шаблонный» подход, присутствует также заинтересованность в репрезентации официальной версии распространения экстремизма в молодежной среде, а также причин, последствий данного процесса.

С другой стороны, в настоящее время имеется множество результатов опросных социологических исследований, где респонденты отвечают на прямые и косвенные вопросы, касающиеся не столько вовлеченности в экстремистские группы, проникновения экстремистских установок в сознание подрастающего поколения, сколько общего отношения молодежи к проблеме экстремизма. Многие социологические исследования используют специфические методики выявления индикаторов экстремизма, исходя из анализа общей палитры социальной жизни молодых респондентов. Опрашиваемые легко угадывают характер и направленность общих вопросов и ожидаемые результаты, что актуализирует феномен социально приемлемых вариантов ответов в социологических опросах. Это искажает информацию об истинном отношении людей к проблеме, тем более не позволяя понять степень экстремизации их сознания, глубины проникновения экстремистских устано-

вок, степени успешности их освоения и т. д. Работа с экспертным сообществом бывает существенно затруднена вследствие политических, духовных, социальных разногласий по поводу вышеуказанного Федерального закона.

И, наконец, ситуация серьезно осложняется многоуровневым характером экстремизма как социального явления, в частности, наличием политического, религиозного, расово-этнического и других видов молодежного экстремизма. Содержание инструментария мониторингового социологического исследования в данном случае существенно расширяется, порой настолько перегружается, что это угрожает превысить пределы памяти, внимания, концентрации респондентов и, наконец, самой их мотивации к добровольному альтруистическому участию в социологическом проекте. Не стоит забывать, что социолог имеет дело с молодыми респондентами, социально-психологические и социально-возрастные черты которых не лучшим образом подходят для участия в социологическом проекте. Это тем более необходимо принимать во внимание, так как тематика мониторингового исследования, как бы она не завуалировалась социологами, все равно угадывается респондентами, что вызывает у них определенные опасения в аспекте утраты конфиденциальности. Не стоит также забывать о том, что тематика экстремизма, прежде всего, для самой молодежи весьма щекотлива и вызывает у них неоднозначную реакцию.

В ходе мониторингового исследования важную роль выполняют количественные методы, именно они определяют облик проекта. Сильной стороной количественного мониторингового исследования может стать процедура логического анализа основных понятий, связанных с молодежным экстремизмом (специфическое родо-видовое исследование семантических форм). Именно логический анализ основных понятий позволит при валидном применении выработать альтернативные индикаторы молодежного экстремизма, уйти от их государственно-официального описания, сформировать новую, свежую точку зрения на данную системную гносеологическую проблему.

Следует отметить, что программа качественного эмпирического исследования не настроена в целом на процедуры логического анализа основных понятий предмета, а для количественного исследования, напротив, подобные процедуры жизненно важны.

Современные исследователи указывают, что «логический анализ основных понятий – это логическое структурирование исходных понятий, определяющих предмет исследования, точное объяснение их содержания и структуры. Логический анализ предполагает уяснение соотношения свойств изучаемого явления. Впоследствии это поможет социологу правильно объяснить полученные результаты. В ходе логического анализа основных понятий исследователь стремится перевести научные, теоретические конструкторы на уровень обыденного сознания, «среднего респондента», что весьма непросто. Однако именно так можно добиться соответствия социологического исследования логике научного поиска «теория – эмпирические факты – теория»¹.

Познавательные возможности логического анализа основных понятий в случае с молодежным экстремизмом сложно переоценить. Как указывают социологи, «важную роль в процессе логического анализа основных понятий играет теоретическая интерпретация через установление связей с более общими понятиями и категориями социологии, философии и других наук. Смысл теоретической интерпретации заключается в том, чтобы четко, точно, определенно указать, что понимается в исследовании под терминами и понятиями. Нужны и их определения, и выявление структуры каждого из них, без чего невозможно перевести понятия на язык конкретного (операционального) изучения. Это важно сделать еще и потому, что большинство понятий многозначно, имеет несколько смыслов и оттенков, различных трактовок в литературе»².

Методологические основы осуществления логического анализа основных понятий в рамках локальных эмпирических проектов разработал В.Н. Карпович, который полагал, что «одним из условий связи между теоретическими понятиями является наличие общего указания у всех терминов теории (наличие общего универсума рассуждения). Единство этого универсума в реальной науке реализуется по-разному, но с логической точки зрения его существование фактически означает возможность некоторого общего описания изучаемых теорией объектов. Другим условием является семантическая общность используемых в теории понятий: по сво-

¹ Куликов Е.М., Кубякин Е.О. Указ. соч. С. 65–68.

² Там же.

ему смыслу они должны быть применимы к однородным объектам. Третьим условием концептуального единства теории является терминологическая связность аксиом: ни одно исходное понятие не должно быть специфическим для какой-то одной аксиомы, оно обязательно должно встречаться как минимум в двух исходных положениях»¹.

Следует отметить, что конструктивные особенности программы мониторингового исследования характеризуются определенным потенциалом для повышения уровня проводимого анализа, его объективности, валидности и пр. Вместе с тем в данном случае речь идет лишь об одном элементе системы современных социологических изысканий на практическом уровне познания. Здесь многое зависит от «внешнего» уровня взаимодействия социолога-исследователя и представителей управленческих структур, заинтересованных в проведении исследования именно такого формата. Однако следует обратить внимание на то, что на данном уровне наблюдается ряд проблемных аспектов, снижающих качество взаимодействия социологов и представителей управленческих структур. Очевидно, что сложившаяся на сегодня система взаимодействий социологов и управленческих структур не выглядит оптимальной.

Представляется целесообразным внесение следующих изменений в систему сложившихся в настоящее время взаимодействий между социологами с одной стороны и представителями системы государственного управления с другой. Отметим четыре наиболее значимых составных элемента данной системы.

1. Посредством привлечения СМИ, наиболее известных общественных и политических деятелей институционализировать систему выбора социологических исследовательских структур с целью исключения как сговора, коррупционных проявлений, так и использования различных неформальных связей между заказчиками и исполнителями данных работ. Для достижения обозначенных целей необходим широкий общественный контроль над процессом выбора структурами государственного управления исполнителя социологического проекта. Сложившаяся на сегодня

¹ Карпович В.Н. Логический анализ основных этапов становления теории: дис. ... д-ра филос. наук. Новосибирск, 1982.

система тендеров, объявляемых управленческими структурами, отнюдь не оптимальна, она не исключает коррупции и злоупотреблений.

2. Создать общественно верифицируемую базу успешно реализованных социологических проектов, куда интегрировать весь комплекс полученных оценок, отзывов, мнений. В свою очередь это позволит отслеживать наиболее удачные и определять самые неудачные работы социологов по заказу государственных административных структур. Подобная систематизация результатов социологических проектов даст возможность придать общественную огласку работе социологов, преодолеть многие негативные эффекты, связанные с заблуждениями, мифами, стереотипами лиц, не являющихся профессиональными социологами, не имеющими соответствующего образования, но обладающими возможностью влиять на общественное мнение, в том числе специализированное. Кроме того, как представляется, это позволит не только удалить с рынка недобросовестных исполнителей с низким уровнем квалификации (допускавших систематические, «результативные» ошибки), но и, напротив, усилить доверие к настоящим профессионалам из числа практикующих социологов.

3. Сформировать экспертный совет из ведущих специалистов в области социологии – как на региональном, так и на федеральном уровнях. Основной задачей подобной структуры может стать вынесение экспертных заключений и соответствующее консультирование всех сторон, взаимодействующих при реализации проекта. Это особенно важно в тех случаях, когда речь идет о сложных, противоречивых, неоднозначных ситуациях, каких-либо спорных моментах, в том числе касающихся уровня проведенного или планируемого исследования, его качества, возникших недочетов в работе социологов, недопонимания между управленческими структурами и социологами. Зачастую неподготовленному человеку, в том числе чиновнику, политику, журналисту, сложно увидеть непрофессиональным взором то, что легко может обнаружить профессиональный социолог.

4. Скоординировать работу СМИ как с помощью структур государственного управления, так и при помощи негосударственных объединений, ассоциаций, фондов, с тем чтобы популяризировать достижения отдельных социологов, работающих в сотру-

ничестве с системой государственного управления, в процессе осуществления мониторинга. Это необходимо в числе прочего для преодоления многих стереотипов, предубеждений в отношении социологов, а также волонтаризма и вульгаризаторства со стороны систем государственного управления, зачастую предпочитающих своими силами проводить социологическое исследование, не слишком заботясь о его профессиональном, научном уровне, качестве и объективности.

Итак, организация социологического мониторинга индикаторов молодежного экстремизма в процессе преемственности и смены поколений предполагает проведение сложной научно-исследовательской, а также организационной работы. Весь процесс научно-теоретического обеспечения эмпирического исследования обязательно должен включать в себя грамотно разработанную программу исследования, где, в частности, должна быть решена проблема «перевода» программных вопросов на язык респондентов и максимального приближения к исследовательской ситуации. В программе должна быть детально продумана не только методологическая составляющая, центральным элементом которой должен стать логический анализ основных понятий, позволяющий осуществить профессиональный опосредованный анализ проблематики молодежного экстремизма без погружения в рискованную среду правонарушителей, но и методико-процедурная (здесь важное место занимает конструкция выборочной совокупности и разработка детального плана и сетевого графика исследования). Инструментарий подобного мониторингового анализа также отличается значительной сложностью. Как правило, речь идет о нескольких разных инструментариях, объединенных общей исследовательской концепцией. С одной стороны, отмеченные требования к организации и проведению мониторингового исследования весьма сложны, их соблюдение под силу только серьезным социологическим исследовательским структурам, обладающим соответствующим опытом, квалификацией, научным признанием и т. д. С другой стороны, поставленные перед подобным проектом цели и задачи диктуют необходимость инновационного, нестандартного, «нешаблонного» подхода. Следует отметить, что именно подобные действия позволяют дать качественные рекомендации, связать эмпирическую информацию с нуждами системы

государственного управления в отношении молодежной политики и молодежных проблем. Необходимо также принимать во внимание тот факт, что поиск индикаторов молодежного экстремизма сам по себе представляет серьезную проблему, которая в свою очередь еще более усложняется, когда речь идет о системном анализе всего комплекса интегральных элементов, составляющих основу процесса преемственности и смены поколений. Кроме того, экстремизм – весьма динамичное явление, особенно в эпоху развития интернета и информационно-компьютерных технологий; в этих условиях вполне закономерны изменения в характере, проявлениях экстремизма. Этот факт необходимо учитывать особенно применительно к инновационной молодежной среде.

И, наконец, нельзя не коснуться именно организационных основ мониторингового исследования молодежного экстремизма. Подобные проекты сопряжены с рядом сложностей, в том числе с угрозами, рисками для самих исследователей, интервьюеров, экспертов, респондентов, так как тематика изучения связана с противоправной деятельностью. Безусловно, субъекты подобной анти-социальной активности стремятся активно скрыть следы своих деяний. Помимо того, что они сами не идут на контакт с социологом, справедливо опасаясь возмездия со стороны правоохранительных органов, они также стремятся оказать психологическое воздействие на носителей информации, касающейся молодежного экстремизма, участников таких объединений, форм и видов их противоправной активности. Именно поэтому при организации мониторинговых исследований молодежного экстремизма необходимо значительное внимание уделять вопросам обеспечения безопасности его участников; следует заранее предусмотреть варианты координации действий исследователей с полицией и представителями других правоохранительных органов. В условиях реализации подобных проектов необходимо также позаботиться о перенесении акцента с опросных на неопросные методы получения первичной информации о проблематике молодежного экстремизма в условиях российского общества начала XXI в.

Необходимо обратить внимание на статус социологического мониторинга индикаторов молодежного экстремизма в процессе преемственности и смены поколений. Уделяя значительное внимание именно молодежному экстремизму, мы рискуем несколько

отойти в сторону от одной из ключевых проблем – позиционирования молодежного экстремизма в контексте преемственности и смены поколений. Подобная тематика априори задает еще более широкий ракурс научного анализа, включающий в себя не только подрастающее, но и другие поколения жителей России. При таком видении проблемной ситуации существенно осложняется процедура, методика и техника проведения мониторингового социологического проекта. Однако социальный запрос на подобного рода научно-управленческие изыскания в условиях российского общества начала XXI в. остается весьма актуальным. Этому способствуют характер и направленность трансформационных процессов в российском социуме на современном этапе его развития. Сегодня перспективы российского общества существенным образом зависят от того, насколько успешно нынешнее молодое поколение сможет интегрироваться в систему социальных связей, оптимально заместить взрослое поколение, в том числе успешно преодолев риски экстремизма. Задачей мониторинговых социологических проектов в данном случае выступает диагностика проблемы и построение системы прогнозирования развития ситуации, которая позволит государственным управленческим структурам эффективнее противодействовать молодежному экстремизму, комплексно решать данную проблему.

3.3. Проект исследования «Молодежный экстремизм в контексте дезорганизации процесса преемственности и смены поколений»

Молодежная среда выступает фактором риска и дезорганизации любого общества. Даже стабильный социум может быть подвержен воздействию негативных факторов, связанных с дисфункциями процессов социализации, социального развития, инкультурации подрастающего поколения, так как система управления не обладает инструментарием, позволяющим прогнозировать последствия комбинации нескольких факторов (маргинальности, максимализма, пубертации, акселерации, стремления к самореализации, эмоционально-чувственного отношения к окружающему миру). Однако ситуация намного осложняется в кризисном обществе, где

имеет место дисфункция одной или нескольких сфер (подсистем), – экономической, социальной, политической и духовной. В таких условиях происходит наложение субъективных и объективных факторов риска социального взросления молодежи. Именно такая ситуация сложилась в российском обществе начала XXI в., где вследствие высоких скоростей социальных изменений, модернизационных процессов, обвальной интеграции в глобальный пост-индустриальный мир усиливаются риск и неопределенность. Дезорганизация процесса включения молодежи в мир взрослых с неизбежностью приводит к росту девиантного и делинквентного поведения, в том числе экстремизма.

На основании детального теоретического рассмотрения указанной проблематики мы пришли к необходимости проведения эмпирического исследования на тему «Молодежный экстремизм в контексте дезорганизации процесса преемственности и смены поколений». Далее мы представляем проект конкретной исследовательской программы, направленной на углубленное практико-ориентированное изучение последствий дезорганизационных процессов, проходящих в последние десятилетия в России.

Проблема: рост противоречий между социальными ожиданиями молодежи и реальными возможностями их удовлетворения в процессе преемственности и смены поколений российского общества начала XXI в.

Объект: молодежь в системе субъект-объектных отношений трансформирующегося российского общества начала XXI в.

Предмет: экстремизм как эффект дезорганизации процесса преемственности и смены поколений в условиях трансформирующегося российского общества.

Цель: исследовать влияние дезорганизации процесса преемственности и смены поколений на генезис и развитие экстремизма.

Гипотеза основания. Комплекс противоречий, субъектом и объектом которых выступает молодежь России, позволяет констатировать наличие признаков «общества риска», детерминированного дезорганизацией деятельности ряда ключевых социальных институтов и подсистем. Нарушение нормального протекания процесса социального взросления современной российской молодежи, особенно в аспекте преемственности и смены поколений,

создает фундамент для развития социальных отклонений, в том числе молодежного экстремизма.

Гипотезы следствия.

1. Социальное положение молодежи осложнено ее переходным, маргинальным статусом в различных ключевых сферах жизни общества на фоне процессов пубертации и акселерации, что приводит к состоянию хронической социальной неудовлетворенности, создающей в свою очередь почву для генезиса экстремистских установок.

2. Социально-психологические особенности молодежи детерминируют «ситуацию риска», когда молодые люди могут демонстрировать аффективное, иррациональное поведение, склонность к антисоциальным действиям, агрессии, что является предпосылкой для генезиса экстремизма.

3. Воздействие интернета и информационно-компьютерных технологий приводит к возникновению в молодежной среде эффекта «коммуникативной блокировки», когда молодежь оказывается в хаосе антагонистических оценок и в рамках противоречивой мировоззренческой картины мира вследствие невозможности использовать опыт старших поколений в своей повседневной жизни. Возникает духовно-нравственный вакуум, снимающий социокультурные барьеры к генезису экстремизма.

4. Экономическое положение молодежи выглядит весьма сложным, так как имеет место значительное рассогласование между потребностями и возможностями молодых людей, весьма ограниченными вследствие низкого уровня дохода, невыгодного положения в социально-трудовой иерархии общества. Неустойчивость социально-экономического положения ведет к попыткам жизненного реванша, могущим спровоцировать экстремизацию сознания.

Основная задача: посредством использования количественной и качественной методологии эмпирического анализа проследить взаимосвязь между нарушением нормального протекания процесса социального взросления современной российской молодежи, особенно в аспекте преемственности и смены поколений, и генезисом условий для развития молодежного экстремизма.

Дополнительные задачи.

1. Выявить влияние социально-статусных и социально-психологических факторов на генезис молодежного экстремизма.
2. Определить актуальность проблемы иррациональности молодежного сознания в аспекте генезиса установок экстремизма.
3. Выявить особенности влияния коммуникативной составляющей на генезис духовно-нравственного вакуума в молодежной среде и, как следствие, актуализацию установок экстремизма.
4. Определить особенности воздействия социально-экономического положения молодежи на генезис и развитие молодежного экстремизма.

Используемые методы и выборка. Сочетание количественной и качественной методологии. Количественный этап исследования – раздаточное индивидуальное анкетирование молодежи. Метод предполагает использование формализованного инструментария с преобладанием закрытых и полужакрытых вопросов. Применение данного метода позволяет, с одной стороны, максимально упростить и формализовать систему сбора первичной социологической информации, а с другой стороны, обеспечить ее репрезентативность и статистическую значимость. Объем выборки количественного этапа – 2 400 респондентов (по 800 в Краснодарском и Ставропольском краях, а также Ростовской области). Тип выборки – квотная.

Качественный этап исследования включает серию глубинных интервью с молодежью (24 интервью) и экспертным сообществом (16 интервью). Применение качественного анализа позволит более глубоко изучить внутренний, духовный мир молодежи, их ценности, идеалы, морально-нравственные принципы, оказывающие непосредственное влияние на экстремизацию их сознания.

Глубинные интервью

Социокультурные, социально-психологические, социокоммуникативные факторы молодежного экстремизма в современной России (на материалах качественного анализа)

Представление интервьюера, объяснение целей исследования, основных правил ведения дискуссии (со стороны респондента – честность, искренность реакций и мнений, отстаивание собственной позиции; со стороны интервьюера – сохранение конфиденциальности аудиозаписи и пр. Представление участника исследования (имя, возраст, семейное положение, образование, род занятий).

1. Прежде всего, хотелось бы поговорить о Вас, о Вашей жизни. Какими прилагательными Вы бы описали свою жизнь? Чего в ней больше: радостей или переживаний, работы или отдыха, взлетов или падений? Чем Вы увлекаетесь? Каковы Ваши хобби? Вы больше любите быть в одиночестве или в компаниях? Вы занимаетесь спортом? Почему? Какое место в вашей жизни занимает спорт? Любите ли смотреть телевизор, читать книги, газеты, журналы? Любите ли играть в компьютерные игры, посещать интернет? Как Вы относитесь к социальным сетям интернета? Есть ли у Вас страница в социальных сетях, как часто ее посещаете? Любите ли Вы участвовать в интернет-дискуссиях? Если да, то на какие темы? Что Вы цените в жизни? Кто или что является Вашим жизненным идеалом? Какой эмоциональный настрой характерен для Вас? Какие эмоции преобладают чаще всего? От чего зависит изменение в Вашем настроении?

2. Какие нормы поведения, общения характерны лично для Вас? Какое поведение поощряется среди Ваших сверстников, а какое отвергается? Ориентируетесь ли Вы в своей жизни на принятую в обществе мораль, нравственность? Вам важно или нет то, что подумают, скажут о Вас окружающие? Всегда ли Вы соблюдаете законы? Бывают ли случаи, когда для Вас допустимо преступить закон? Какие это случаи? Как Вы относитесь к тем, кто стремится самостоятельно вершить суд и наказывать преступников? Слышали ли Вы о группировке «приморских партизан» (если

респондент не слышал, интервьюер сообщает о группе молодых людей, которые в 2010 г. убивали сотрудников МВД, считая их коррумпированными)? Каково Ваше отношение к этим людям? Возможно ли в России повторение подобных событий?

3. Каково Ваше общее отношение к миру взрослых? Какие типичные примеры взаимоотношений со взрослыми Вы могли бы привести? Что бы Вы лично изменили в обществе, если бы Вам представилась такая возможность? Каково Ваше общее отношение к культуре общества? Как Вы относитесь к элитарной и массовой культуре (*интервьюер дает необходимые пояснения, приводит соответствующие примеры*)? Относите ли Вы себя к какой-либо субкультуре или контркультуре? Есть ли у Вас знакомые, состоящие в таких объединениях?

4. Какие проблемы в жизни Вы испытываете в настоящее время? Эти проблемы связаны с личной или общественной жизнью? Насколько Вы удовлетворены своим экономическим положением, социальным статусом? Есть ли у Вас постоянная работа или постоянный источник дохода? По Вашему мнению, кто виновен в Ваших проблемах? Насколько Вы ощущаете помощь государства и общества в решении Ваших проблем? Бывало ли у Вас ощущение отчаяния вследствие неразрешенности проблем? Есть ли в современной России какие-то группы, классы, которые мешают жить окружающим, негативно влияют на Вашу жизнь? Какие это группы и классы (*интервьюер уточняет: этнические, социальные, политические, религиозные, экономические и т. п.*)? Как, на Ваш взгляд, можно преодолеть проблемы и оптимизировать ситуацию?

5. Каково Ваше отношение к молодежным националистическим объединениям, группировкам? Каково отношение к ним Ваших друзей, знакомых? Приходилось ли Вам сталкиваться с такими молодыми людьми или принимать участие в деятельности таких объединений? Как это, на Ваш взгляд, связано с проблемой этнической миграции?

Экспертное неформализованное интервью

Перспективы процесса преемственности и смены поколений в контексте развития проблемы молодежного экстремизма в России (на материалах экспертного опроса)

В качестве экспертов выступают: ученые, сотрудники правоохранительных органов, сотрудники администраций различных уровней, журналисты.

Представление интервьюера, объяснение целей исследования, основных правил ведения дискуссии (аргументированность мнений эксперта, откровенное изложение собственной позиции). Представление эксперта (имя, возраст, место работы, сфера научных или профессиональных интересов).

Блок вопросов о нынешней молодежи «Поколение ноль?»

Каково Ваше общее отношение к современной российской молодежи? Насколько она отличается от, например, советской? Эти различия в худшую или лучшую сторону? Какие наиболее острые проблемы связаны, на Ваш взгляд, с современной российской молодежью? Разделяете ли Вы мнение о том, что современная молодежь – это «поколение ноль»? Почему? Какие аргументы за и против этой точки зрения Вы можете привести? Каковы перспективы современной российской молодежи?

Блок вопросов о влиянии социально-экономической сферы на сознание молодежи

Как известно, в течение последних нескольких лет состояние экономики России было далеко не лучшим. Снижение экономического роста, переход к рецессии с неизбежностью бьют по наиболее незащищенным слоям, в том числе по молодежи. Какое влияние оказывает экономическая ситуация на сознание и поведение молодежи? Насколько они являются взаимозависимыми: экономическая сфера и молодежная среда? Как влияет безработица на сознание и поведение молодежи? Невысокая заработная плата, зачастую являющаяся уделом современной молодежи, способна продуцировать ряд негативных последствий. Каких именно, на Ваш взгляд? Связан ли, в частности, молодежный экстремизм с негативными проявлениями в российской экономике? Насколько

молодежь остро воспринимает социальную несправедливость? Какие действия должно осуществить государство в такой ситуации?

Блок вопросов о влиянии социально-политической сферы на сознание молодежи

Насколько, на Ваш взгляд, высока политическая активность современной российской молодежи? Какие примеры в пользу Вашей точки зрения Вы могли бы привести?

Имеет ли место политическая апатия в молодежной среде? С чем связано данное явление? Насколько самореализуется молодежь в политической сфере? Какие факторы препятствуют ее самореализации? Каково Ваше отношение к феномену политического экстремизма молодежи? Какие факторы его детерминируют?

Блок вопросов о влиянии социокультурной сферы на сознание молодежи

Многие исследователи рассуждают о молодежной культуре как культуре протеста. Насколько это актуально сейчас? Каковы черты современной молодежной культуры? Против чего протестует современная молодежь в культурной сфере? Насколько негативные проявления массовой культуры могут провоцировать развитие молодежного экстремизма? Могут ли патологические формы культуры быть связаны с духовно-нравственным вакуумом?

Блок вопросов о влиянии социально-коммуникационной сферы на сознание молодежи

Известно, что именно молодое поколение демонстрирует наибольшую тягу к использованию интернет-коммуникаций. Насколько сейчас актуальна проблема виртуализации молодежного сознания и социальных практик? Оцените специфику общения молодежи в социальных сетях интернета. Какие позитивные и негативные последствия этого явления Вы видите? Какое влияние на сознание молодежи оказывают компьютерные игры онлайн? Могут ли коммуникативные феномены влиять на генезис и развитие экстремизма в молодежной среде? Каким образом? Обоснуйте свою точку зрения.

Блок вопросов о проблеме молодежного экстремизма в современной России и путях ее решения

Насколько актуальна в целом проблема молодежного экстремизма для российского общества? Какие индикаторы свидетельствуют о ее наличии? Каковы пути ее решения? Какие основные

проблемные аспекты молодежной среды, связанные с генезисом и развитием экстремизма, Вы можете перечислить? Какова роль государственной молодежной политики в нынешнем состоянии проблемы молодежного экстремизма? Какие пути решения проблемы Вы видите на сегодняшний день?

Анкетирование

Экстремизм в молодежном сознании и социальных практиках (на материалах количественного анализа)

Здравствуйте, я представляю Краснодарский университет МВД России, кафедру философии и социологии. Нами проводится исследование, посвященное молодежным проблемам. Мы просим Вас ответить на несколько вопросов. Исследование займет 10–15 минут. Информация, полученная от Вас, будет использоваться только в обобщенном виде в научных целях. Выберите подходящий вариант ответа и обведите его кружочком.

1. Как Вы чаще всего проводите свободное время?

(напишите)

2. В настоящее время Вы полностью можете обеспечить себя в финансовом плане? *(один вариант ответа)*

1	Да
2	Скорее да
3	Скорее нет
4	Нет
5	Затрудняюсь ответить

3. В Вашей жизни больше положительных или отрицательных эмоций? *(один вариант ответа)*

1	По преимуществу положительных
2	Скорее положительных
3	Скорее отрицательных
4	В основном отрицательных
5	Затрудняюсь ответить

4. Как Вы чаще всего общаетесь с друзьями? *(возможно несколько вариантов ответа)*

1	Личное общение, с глазу на глаз
2	По сотовому телефону
3	По стационарному телефону
4	Через интернет (электронная почта, icq)
5	Через посредников – друзей, родственников, знакомых
6	С помощью писем, открыток, телеграмм
7	Другое

5. Удовлетворены ли Вы...? (один вариант ответа)

	Критерий оценки	Удовлетворен	Не удовлетворен
1	Работой, карьерой	1	2
2	Условиями жизни и быта	1	2
3	Уровнем своего материального положения	1	2
4	Возможностями проведения досуга	1	2
5	Сексуальной жизнью	1	2
6	Возможностями духовной самореализации	1	2
7	Возможностями реализации политических целей и потребностей	1	2
8	Социальной справедливостью	1	2

6. Что из нижеперечисленного оказывает влияние на Ваши поступки? (возможно несколько вариантов ответа)

1	Родители
2	Учителя в школе, преподаватели в вузе
3	Друзья
4	Родственники
5	Передачи, фильмы, реклама в СМИ
6	Другое
7	Затрудняюсь ответить

7. Можно ли утверждать, что в современной России имеется достаточно возможностей для самореализации молодежи, нахождения ею достойного места в жизни? (один вариант ответа)

1	Да
2	Скорее да
3	Скорее нет
4	Нет
5	Затрудняюсь ответить

8. Можно ли сказать, что в данный момент Вы полностью интегрировались во взрослое общество? (один вариант ответа)

1	Да
2	Нет
3	Затрудняюсь ответить

9. По Вашим наблюдениям, много ли в Вашем окружении молодежи, не нашедшей своего места в жизни? *(один вариант ответа)*

1	Практически все
2	Достаточно большая доля
3	Практически нет, это скорее исключение
4	Таких нет
5	Затрудняюсь ответить

10. Если возникнет угроза Вашим жизненным интересам, в каких формах Вы готовы ей противостоять? *(один вариант ответа)*

1	В любых формах, включая насилие
2	В любых, кроме насилия
3	В мирных, предпочитаю не участвовать в борьбе, столкновениях
4	Вообще не готов противостоять кому-либо, чему-либо
5	Затрудняюсь ответить

11. Как часто Вы проявляете агрессию в жизни, во взаимоотношениях с окружающими? *(один вариант ответа)*

1	Практически постоянно
2	Достаточно часто
3	Достаточно редко
4	Практически никогда
5	Затрудняюсь ответить

12. Насколько актуальна проблема экстремизма в современной России? *(один вариант ответа)*

1	Очень актуальна
2	Скорее актуальна, чем не актуальна
3	Скорее не актуальна, чем актуальна
4	Абсолютно не актуальна
5	Затрудняюсь ответить

13. В какой мере Вы лично осведомлены о проблеме экстремизма в современной России? *(один вариант ответа)*

1	Осведомлен хорошо, знаю основные тенденции развития проблемы, владею примерами проявлений экстремизма
2	Осведомлен в целом, немного знаю о проявлениях экстремизма
3	Осведомлен плохо, имею лишь поверхностную информацию
4	Не знаю ничего о данной проблеме
5	Затрудняюсь ответить

14. Чьей явной или скрытой поддержкой пользуются экстремисты в России?
(возможно несколько вариантов ответа)

1	Радикальных религиозных организаций
2	Властных структур России
3	Бизнеса
4	Радикальных политических организаций
5	Политической оппозиции
6	Они получают поддержку из-за рубежа
7	Другое (напишите)
8	Затрудняюсь ответить

15. Опишите портрет типичного экстремиста в России (его личностные, социально-демографические, социально-статусные черты)

(напишите)

16. Что повлияло на Вашу точку зрения относительно облика типичного экстремиста в современной России? (возможно несколько вариантов ответа)

1	СМИ
2	Художественные фильмы
3	Сериалы
4	Выступления политиков
5	Оценки журналистов
6	Личный опыт
7	Опыт родственников, друзей, знакомых
8	Выступления представителей силовых структур
9	Другое
10	Затрудняюсь ответить

17. Достаточно ли нынешние российские власти предпринимают усилий для борьбы с экстремизмом? (один вариант ответа)

1	Достаточно
2	Скорее достаточно
3	Скорее недостаточно
4	Недостаточно
5	Затрудняюсь ответить

18. Ваш пол?

1	Мужской
2	Женский

19. Сколько Вам лет?

1	Менее 18 лет
2	От 18 до 25 лет
3	От 25 до 30 лет
4	Более 30 лет

20. Где Вы проживаете в настоящий момент?

1	В Краснодаре
2	В Краснодарском крае
3	В другом городе, но имею в Краснодаре (Краснодарском крае) постоянную работу (учусь)

21. Ваше образование на сегодняшний день?

1	Неполное среднее, среднее
2	Среднее специальное (техникум, ПТУ)
3	Незаконченное высшее
4	Высшее

22. Кем вы работаете?

1	Руководитель, директор, (со)владелец (<i>организации, предприятия, фирмы...</i>)
2	Заместитель руководителя, старший менеджер
3	Руководитель среднего звена (подразделения, отдела)
4	Специалист с высшим образованием (<i>врач, учитель, инженер и т. п.</i>)
5	Госслужащий
6	Служащий без высшего образования (<i>клерк, секретарь и т. п.</i>)
7	Творческая профессия (<i>писатель, художник, артист</i>)
8	Рабочий
9	Учащийся (студент)
10	Частное предпринимательство, частная практика
11	Не работаю

23. Ваше семейное положение?

1	Холост (не замужем)
2	Женат (замужем)
3	Гражданский брак
4	Разведен (разведена)
5	Вдовец (вдова)

Представленная программа предлагается в качестве концептуальной основы исследования «Молодежный экстремизм в контексте дезорганизации процесса преемственности и смены поколений».

Заключение

В современных российских условиях молодежь выступает носителем различных социальных проблем и поэтому вполне закономерно оказывается объектом социологического анализа. Процесс преемственности поколений дезорганизован и нуждается в новых ориентирах. Это порождает целый комплекс социальных противоречий. В частности, государственная молодежная политика, реализуемая в России, во многом является неэффективной вследствие углубляющегося с каждым годом разрыва поколений, а также по причине недоверия молодежи к СМИ, властным структурам, правоохранительным органам, мнениям родителей, учителей.

Теоретические, теоретико-прикладные и эмпирические исследования в сфере социологии молодежи призваны уделять серьезное внимание анализу влияния трансформационных процессов в сфере поколенческой мобильности. В настоящей работе также присутствует момент междисциплинарности, что оставляет возможность разностороннего, в том числе полипарадигмального анализа. Однако авторский подход связан с последовательным рассмотрением различных аспектов социального воспроизводства молодежи как самостоятельной поколенческой единицы.

Выводы по настоящей работе коррелируются с критикой теории Штрауса-Хоува, предпринятой в процессе изложения материала. Точнее, в работе присутствует последовательный анализ круга вопросов, которые должна разрешить адекватная теория поколений, и в данном случае социологический подход, основанный на идее четырехтактовой цикличности, не удовлетворяет совокупности заявленных критериев. Ввиду этого критика как таковая состоит в оценке перспективности данной теории в отношении того круга проблем, который был очерчен. В этом отношении авторская теория поколений, не будучи столь однозначной в своей периодизации, все же способствует более гибкому и разноплановому рассмотрению проблемы, что определяет приоритет ее использования.

Мы полагаем, что молодежь как поколение – это не реально существующая и четко отделимая от других общность, а концепт, в котором критерием единения является общность мировоззренческого

характера, при этом основания этой общности пролегают на стыке возрастных характеристик и совпадения личного социального опыта. Иными словами, четкая периодизация всех поколений не может быть осуществлена заранее, как определенная дискретная программа социокультурного развития. В пользу этого суждения свидетельствует и то, что так называемые границы поколения зачастую берутся исследователями произвольно, в то время как предлагаемый нами подход предполагает приоритетным не столько момент хронологической периодизации, сколько момент общности. Хотя, безусловно, возрастной аспект в данном случае играет немаловажную роль.

Применение категории сознания к групповым общностям представляет собой не результат невнимательности автора, а взвешенный подход, уже имеющий прецеденты реализации. Так, например, мы можем наблюдать интересы социальной группы или института, категории коллективного сознания, идею группового сознания и т. д. В данном случае приоритетным в рассмотрении является, с одной стороны, отражение момента общности, с другой – признание за группой или институтом наличия вектора развития (или активности), имеющего определяющее значение. При этом характерно также и то, что в рамках группы многие ведут себя несвойственным образом, что позволяет рассматривать формирование принципиально нового способа коммуникации и социальной активности под действием совокупного набора внешних факторов.

Жизнь общества можно действительно рассмотреть как совокупную активность представителей различных поколений. Вместе с тем теоретический анализ множества поколений хоть и представляется весьма перспективным, знаменует собой уже следующий шаг на пути углубления в поколенную проблематику в силу своей высокой сложности. Рассматриваемый нами концепт «поколение» – это в первую очередь модель группового восприятия. При этом проблемы, связанные с преодолением возрастных ограничений в коммуникации, имеют достаточно высокий уровень представленности в обществе, что является одним из оснований общности.

Подводя итог, следует отметить, что современное российское общество претерпевает последствия нескольких этапов трансфор-

мации не только социоструктурного, но и аксиологического характера. Дезорганизация молодежных ценностей, дефицит преемственности и одновременно поиск новых ориентиров для воспроизводства моделей поведения являются источником грядущих социальных изменений тревожного характера. К числу таких вероятных проблем ближайшего будущего, с которыми может столкнуться российское общество, относится накопление социально-психологических, социально-возрастных и социокультурных детерминант молодежного экстремизма. Полагаем, что на данном этапе необходим всесторонний анализ проблемы, ориентированный на пресечение ее симптоматики и одновременно на решение ее сущностных оснований.

Литература

1. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Темпоральные характеристики и противоречия студенческой молодежи как возрастной общности // Высшее образование в России. 2016. № 4.
2. Баева Л.В. Молодежный экстремизм в современной России // Обзор. НЦПТИ. 2015. № 5.
3. Бакулев Г.П. Проблема интернет-зависимости в свете классических теорий массовой коммуникации // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2015. № 1.
4. Белановский С.А. Индивидуальное глубокое интервью. М., 1993.
5. Болдышев И.В. Виртуализация социальной действительности и социальная практика: дис. ... канд. филос. наук. Нальчик, 2006.
6. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М., 1990.
7. Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. М., 1994.
8. Власов В.И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика. М., 2008.
9. Гуренкова О.В. Особенности трансформации общества в современной России // Концепт. 2016. № 5.
10. Девятко И.Ф. Р. Мертон и его теория среднего уровня // История теоретической социологии: в 4 т. / под ред. Ю.Н. Давыдова. М., 1997. Т. 3.
11. Демина М.Н. Изменения в когнитивных практиках индивидов под влиянием новых информационных технологий // Социс. 2010. № 6.
12. Дэвис Дж. Исследования в рекламной деятельности: теория и практика / пер. с англ. М., 2003.
13. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А.Б. Гофмана. М., 1995.
14. Зиммель Г. Философия культуры. М., 1996.
15. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: опыт исследования молодежи. М., 2007.
16. Ильинский И.М. Воспитание в индивидуализированном обществе // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4.

17. Капитонова Т. Феномен виртуализации социальной реальности: проблемы и перспективы // Наука и инновации. 2014. № 8.

18. Кечина Е.А. Социолого-статистический мониторинг в контексте взаимодействия социологии и статистики: понятие и структура // Социология: теория, методы, маркетинг, 2008. № 3.

19. Клементьева И.А., Хвостиненко А.А. Виртуальная реальность как способ самореализации и самовыражения молодежи: материалы докладов 52-й Междунар. науч.-технич. конф. преподавателей и студентов. Витебск, 2019.

20. Князев И.В. Трансформационные процессы в России: субъективный аспект: дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2006.

21. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости. Сер.: Гуманитарные науки. 2010.

22. Ковалева А.И. Социализация личности: норма и отклонение. М., 1996.

23. Крюкова Т.Л. Молодежь о старшем поколении: психология межпоколенного конфликта // Психологические исследования. 2008. № 2.

24. Куликов Е.М., Кубякин Е.О. Методология, методика и техника эмпирических социологических исследований. Краснодар, 2010.

25. Лазарев Д.А. Молодежный экстремизм в условиях трансформирующегося российского общества: проблемы профилактики и противодействия: дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2018.

26. Леготин Э.В. Межпоколенческая дифференциация среди молодых когорт в условиях преобразования российского общества: дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2003.

27. Лисовский В.Т. Социология молодежи. М., 2006.

28. Лобанова О.В. Массовые коммуникации как фактор социокультурной глобализации: дис. ... канд. филос. наук. М., 2012.

29. Лукиных Т.Н., Можаяева Г.В. Информационные революции и их роль в развитии общества // Гуманитарная информатика. 2005.

30. Маркс К. Капитал. М., 2013.

31. Медникова М.М., Новикова С.А. Место виртуальной реальности в жизни современной молодежи // Вопросы науки и образования. 2017. № 2.

32. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е.Н. Егоровой и др.; науч. ред. З.В. Коганова. М., 2006.

33. Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ) / отв. ред. В.В. Костюшев. СПб., 1999.

34. Немировский В.Г. Общая социология. Ростов н/Д., 2004.

35. Нор-Аревян О.А. Конфликтогенность взаимодействия поколений в условиях социальной трансформации российского общества: микросоциологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2003.

36. Огий О.Г., Лебедев М.Д. Российская молодежь в эпоху трансформации: анализ эмпирических исследований // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2010. № 14.

37. Олешко В.Ф. Газеты России: новая реальность // Известия УрГУ. 2006. № 40.

38. Паниотто В.И. Качество социологической информации (методы оценки и процедуры обеспечения). Киев, 1986.

39. Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. А.А. Зотова. 2-е изд. М., 2008.

40. Подгорецки Ю. Социальная коммуникация наука XXI в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 2.

41. Рябинская Т.С. Социокультурные детерминанты молодежного экстремизма в современной России: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2016.

42. Савченко И.А. Молодежный экстремизм в г. Москве: опыт социологического исследования // Социодинамика. 2018. № 4.

43. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2006.

44. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э.М. Телятникова. М., 2007.

45. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. Г.Ф. Швейника. М., 2011.

46. Хайруллина Ю.К. Социализация личности: теоретико-методологические подходы: дис. ... д-ра социол. наук. Казань, 1998.

47. Чернов А.А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. М., 2003.

48. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М., 2009.

49. Чупров В.И. Социальное развитие молодежи в обществе риска // Российское общество и социология в XXI в.: социальные вызовы и альтернативы: тезисы докладов и выступлений на II Всерос. социологич. конгрессе. М., 2003.

50. Шадрина Л.Ю. Социологический мониторинг как средство информационного сопровождения оценки эффективности социальных технологий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 126.

51. Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М., 2006.

Оглавление

Введение	3
1. Молодежный экстремизм в трансформирующемся российском обществе как системная социальная проблема	7
1.1. Особенности социологического подхода к анализу молодежного экстремизма.....	7
1.2. Социально-психологическая, социально-возрастная и социокультурная детерминация молодежного экстремизма в России.....	23
1.3. Молодежный экстремизм в условиях трансформирующегося российского общества: состояние, тенденции развития.....	38
2. Дезорганизация процесса преемственности и смены поколений как социальная проблема России начала XXI века	53
2.1. Динамика трансформаций российского общества как фактор дезорганизации процесса преемственности и смены поколений.....	53
2.2. Социально-коммуникационные проблемы процесса преемственности и смены поколений.....	63
2.3. Социальное развитие молодежи в процессе преемственности и смены поколений.....	77
3. Молодежный экстремизм в контексте дезорганизации процесса преемственности и смены поколений: эмпирический анализ	91
3.1. Методологические и методико-процедурные аспекты эмпирического анализа девиантной молодежи.....	91
3.2. Основные направления организации социологического мониторинга индикаторов молодежного экстремизма в процессе преемственности и смены поколений.....	100
3.3. Проект исследования «Молодежный экстремизм в контексте дезорганизации процесса преемственности и смены поколений».....	115
Заключение	129
Литература	132

Научное издание

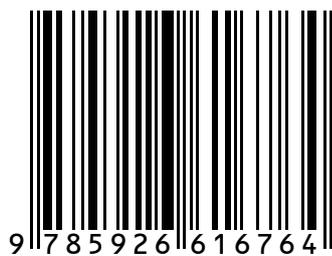
Тимченко Александр Андреевич

**МОЛОДЕЖЬ В ПРОЦЕССЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
И СМЕНЫ ПОКОЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СОЦИАЛЬНО-ДЕЗОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ**

Редактор *М. В. Краснобаева*

Компьютерная верстка *Г. А. Артемовой*

ISBN 978-5-9266-1676-4

Подписано в печать 25.05.2020. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 8,0. Тираж 50 экз. Заказ 46.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.